

ГОССТРАХ

Папы и мамы, бабушки и дедушки, другие близкие родственники ребенка могут заключить договоры страхования детей. Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования—при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не может превышать 15 лет 6 месяцев. Размер страховой суммы по одному договору (300, 500 или 1000 рублей) устанавливается по желанию лица, заключающего договор.

Размер взносов зависит от страховой суммы, возраста ребенка и продолжительности их уплаты. Страховые взносы можно уплатить также единовременно за весь срок страхования по льготному тарифу.

Уважаемые товарищи!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите получить более подробные справки, а также заключить договор страхования, обратитесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему Вас по месту работы, или в инспекцию Госстраха.

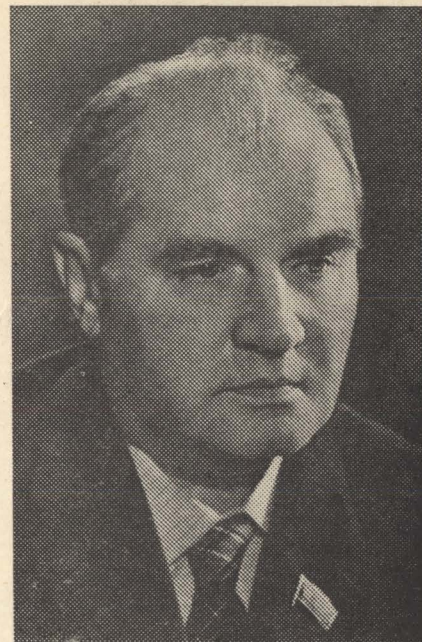
Госстрах РСФСР

ОГОНЁК

№ 1

1981

Сергей НАРОВЧАТОВ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

АБСОЛЮТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 1

Сергей НАРОВЧАТОВ

А Б С О Л Ю Т

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Сергей НАРОВЧАТОВ

Сергей Сергеевич Наровчатов родился в 1919 году в городе Хвалынске Саратовской области. Детские годы провел в Москве, а юность его прошла в Магадане, куда уехали работать родители. Там он окончил среднюю школу. В 1937 году поступил учиться в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). В декабре 1939 года ушел добровольцем на войну с белофиннами. Участвовал в рейдах по тылам противника, был тяжело обморожен, лежал в госпитале. По завершении кампании демобилизовался и перешел учиться в Литературный институт имени А. М. Горького, а в МИФЛИ остался на экстернате. Оба института окончил в 1941 году. В первые дни Великой Отечественной войны снова ушел добровольцем в армию. Воевал на Брянском и Волховском фронтах, в блокадном Ленинграде, прошел с боями Прибалтику, Польшу, Центральную Германию. Окончил войну капитаном. На фронте вступил в партию, до этого был комсомольцем.

Демобилизовавшись в 1946 году, работал в московской прессе. в аппарате ЦК ВЛКСМ, а затем стал литератором-профессионалом.

Главная направленность творчества — поэзия. Писать стихи начал рано. Первые публикации — довоенные. Но фронтовая биография прервала литературную, и первый сборник стихов — «Костер» — вышел в 1948 году. С тех пор поэтом выпущено 49 поэтических, литературоведческих и критических книг. Его поэма «Василий Буслаев» удостоена Государственной премии РСФСР имени Горького. За литературную и боевую деятельность награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала «Новый мир». В 1979 году С. С. Наровчатову присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1980 году избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

АБСОЛЮТ

Рассказ

*У старых историй и старых дорог никогда не
знаешь конца.*

Р. В а л ь е - И н к л а н.

1

Государыня была не в духе. Полное, с желтизной, лицо скучало и брезговало, жилка на виске возмущалась. «Худо мне будет но-ни-че», — раздельно подумал обер-полицмейстер. Твердые слова утреннего рапорта ненужным горохом отскакивали от неприязненного державного молчания.

— С аглицкого фрегата «Дук Мальборо» отвалила шлюпка с контрабандным товаром. В час пополуночи оный товар принял на берегу Корпа купца фактор Иван Мюллер. Товар конфискован, фактор отпущен, понеже вместе с патроном своим является вольного города Любека гражданином...

В два часа пополуночи поручик лейб-гвардии Измайловского полка князь Чадов на колокольне храма святого Федора Стратилата ударил раннюю заутреню. Спрошенный поручик показал, что свершил сие, находясь в меланхолии и прощаясь с младостью в ожидании неотвратимой женитьбы.

Дьякон вышеназванного храма Пантелеймон Богоявленский, выбежав из дому на неурочный звон, был остановлен медведем. Вступив с ним в единоборство, дьякон обратал его и доставил в Васильостровскую часть. Сей зверь сорвался с цепи в подворье графа Безбородки. Графский егерь елабужский мещанин Овсей Петров объявил, что контора его сиятельства штраф за медведя заплатит, но будет искать на дьяконе пеню, поскольку оный дьякон животному лапу повредил.

Сообщения, имевшие характер анекдотический, обер-полицмейстер приберегал к концу, рассчитывая на монаршую улыбку. Но на сей раз

на лице государыни улыбка не возникла. Глядя на докладчика прямым взглядом, она произнесла, словно отдиктовала для страниц своих воспоминаний, завершённую сентенцию:

— Сии новости суть пошлы и ничтожны. Столица Российской империи, град великого Петра, предстает в них провинциальной Елабугой. Гвардейские поручики лезут на колокольни, дьяконы борются с медведями, гуляющими по улицам. Стыд и смех! И сие в просвещенной стране, в просвещенный век. Ступайте, сударь, и подумайте на досуге о моих словах. Досуга у вас, я вижу, предостаточно.

Обер-полицмейстер стал пятиться к дверям и уже готовился исчезнуть с монарших глаз, как его вернул к действию властный голос:

— А из Корпа набить чучело.

Как ни был подавлен и растерян обер-полицмейстер, но неожиданное приказание вызвало в нем такое же неожиданное чувство. Трудно поверить, но оно напоминало строптивость. Род Свербеевых, к коему принадлежал обер-полицмейстер, был не из древних и знатных, но числил в себе, однако, восемь колен коренной линии и относился к столбовому дворянству. Да и сам Иван Фадеевич не век служил в полиции, а помнил себя с офицерским шарфом еще при Куненсдорфе под началом фельдмаршала Салтыкова в блаженное царствование императрикс Елисавет. Все это мгновенно и некстати промелькнуло в возбужденном мозгу обер-полицмейстера. И, дивясь сам себе, он, вытянувшись в струнку, бросил руки по швам и сказал оловянным голосом:

— Противу чести дворянской и офицерского решпекта чучела мне набивать, ваше величество.

Государыня изумилась. Она даже сделала два коротких шажка навстречу новоявленному поборнику дворянских прав, как бы желая поближе рассмотреть его, но круто остановилась и, явственно борясь с подступившим гневом, ласково спросила:

— Не господина ли Дидерота имею счастье сызнова принимать в северной Пальмире? Впрочем, скорее сюда пожаловал сам Иван Яковлевич Руссо и предлагает мне заключить с ним общественный договор! Но, может быть, я ошиблась и зрю сейчас перед собой дука Рогана, считающего себя знатностью выше Бурбонов? Ему сия защита чести и решпекта весьма свойственна. Хотя, помнится, и Роганы, теряя меру, по указу тех же Бурбонов на плаху подымались. Ан нет! И ни Дидерот, и ни Руссо, и ни Роган, а некий Иван Фадееч стоит передо мной. Иван Фадееч, соединяющий в себе безбожие Дидерота, дерзость Руссо и кичливость Рогана. А теперь запомните, маркиз Свербеев...

Сердце Ивана Фадееча давно уже не билось, оно опустилось куда-то к желудку и напоминало о себе размеренными тошнотными позывами. Последнее обращение доконало его — он отчетливо

вспомнил, что маркизом императрица некогда именovala проклятой памяти Емельку Пугачева. Обер-полицмейстеровы колени начали подгибаться, и он уже готов был пасть на них со спасительным воплем «помилуй, матушка государыня!», когда завершительные императрицыны слова удержали его в прежней позиции.

— Единственные честь дворянская и респект офицерский, — произнесла Екатерина Алексеевна, — суть повиновение и послушание воле монаршей. А чучело из Корпа набить и представить мне через три дни.

И царица повернулась спиной к незадачливому своему слуге. Обер-полицмейстер давно уже исчез за дверью, а государыня все не могла успокоиться. Жилка на виске уже не возмущалась, а буйствовала. Прекрасное чело — обширное и выпуклое, подлинный подарок художникам, писавшим Екатерину, — заволокло облаками. Серые глаза потемнели и метали молнии, грозившие испепелить не токмо злосчастного обер-полицмейстера, но Турцию и Швецию, мартинистов и иллюминатов, внешних и внутренних врагов. Разгневанным памятником стояла Екатерина посреди утренних покоев Зимнего дворца.

2

Гражданин вольного города Любека Фридрих-Иоганн Корп был не только удачливым купцом, а и не менее удачливым банкиром. Фортуна была к нему до сих пор благосклонна и с милостивой улыбкой взидала на его дела. Они были таковы, что того гляди могли вырасти в деяния, а от делишек, с которых начинал свой жизненный путь любекский кондитер, отделялись все прочнее положением и репутацией крупного финансиста. Легковесные пфафенкухен, сиречь пирожные, коими Фридрих-Иоганн завоевывал приязнь любекских горожанок, уступили место в его жизни полновесной русской пшенице, которой Корп обольщал куда более солидных дам — амстердамскую, гамбургскую и лондонскую биржи. Корабли расчетливого купца ссыпали российское зерно в Копенгагене, Гавре, Стокгольме, Ливерпуле и том же Любеке. Умелые торговые операции стали артериями, по которым лилась золотая кровь, наполнявшая подвалы Корпова банка рублями и соверенами, талерами и дукатами. Немалая их толика перешла в просторные карманы русских вельмож, но рука дающего не оскудевала, ибо розданное возвращалось сторицей в виде выгодных договоров и контрактов. Корп был вхож в министерские кабинеты, бывал у Потемкина, удостоивался внимания самой императрицы. Не далее как год назад он даже осмелился преподнести царице небольшой презент и был очастливлен высочайшей улыбкой. Она показала ему улыбкой самой фортуны, и это весьма походило на истину.

Досадное ночное происшествие с реквизированной контрабандой относилось к категории не дел, а делишек, которыми по старой памяти порой баловался солидный и преуспевающий купец. И фортуна, благоволившая к нему последнее время, не преминула указать на неуместность подобного озорничанья. «Берясь за большое, не разменивайся на малое», — подумал про себя по-немецки Корп, выслушивая рассказ обескураженного фактора.

— Поделом, поделом нам, любезный Мюллер! — воскликнул он тут же на хорошем русском языке, заметив заинтересованное выражение на лицах конторщиков и слуг. — Поделом, ибо даже в ничтожном нельзя нарушать законы, данные великой государыней простым смертным. С благодарностью примем сей урок, хотя, конечно, весьма жаль прекрасные бургонские вина, лимбургские сыры и гамбургские колбасы, кои так украсили бы свадебный стол нашей милой Амалии. Но я полагаю, что эфто дело поправимое. Уплатив должный штраф, мы возвратим от милейшего Ивана Фадееча заморские дары.

Ввернув в свою закругленную речь цветистые и простецкие «заморские дары» и «эфто», Федор Иванович Корп почувствовал себя уже совершенным русаком и даже прищелкнул пальцами от удовольствия. Ночное происшествие стало казаться ему теперь полным пустяком. Взглянув в окно на ясное зимнее небо, развесялившийся банкир, забыв о кондовом русском просторечии, не совсем последовательно затянул: «Heilige Nacht...» — но, не успев окончить музыкальную фразу, воскликнул уже опять на языке нового отечества:

— Ба! Да никак сам Иван Фадееч, легок на помине, пожаловал к нам в гости! Слуги!..

Но слуги не успели броситься к дверям, как обер-полицмейстер уже входил в комнаты. Он был важен, хмур и озабочен. На полголовы стал он выше докладчика в царичьих покоях. Сбросив плащ на руки вошедшего с ним сержанта, Свербеев опустился в подставленные кресла. Корп хлопнул в ладоши:

— Фриштык.

— Не до фриштыков сегодня, — отмахнулся обер-полицмейстер. — Негоже мне хлеб-соль вкушать у тебя, Федор Иванович. Не знаешь, не ведаешь, с чем я пришел в твой дом.

— Неужто провинился в чем? — схитрил Корп. — Ах да, да! Эфот ночной казус... Свадебные гешенки и лакомства для моей Амальхен. На таможене строгий господин Радицев задержал бы их для осмотра, а свадьба не ждет, не ждет... Винюсь, Иван Фадееч! Попечительный отец нарушил закон. Велик ли штраф угодно будет наложить вашей милости?..

— Штраф? — удивленно воззрился на него Свербеев. — Что тебе штраф! Какой ни наложи, он для тебя как с гуся вода. Заплатишь

и глазом не моргнешь с такими-то деньжищами. Нет, здесь не штрафом пахнет.

— Уж не в тюрьму ли хочешь спровадить меня за такую безделицу? — чуть свысока спросил купец. — Дойдет до государыни, она столь варварскую меру не одобрит, дражайший Иван Фадееч.

— От нее-то, от государыни, я к тебе и прибыл, — веско сказал Свербеев. — А насчет мер варварских ты бы язык прикусил, господин Корп. Я своей царице генерал-поручик и верный слуга. Не мне бы слушать, не тебе бы говорить. Так-то.

Банкир побледнел. В отповеди Свербеева он почувствовал гнев не обер-полицмейстера, а первой особы государства. Произошло нечто ужасное и, может быть, непоправимое.

«Неужто Сибирь?» — промелькнуло у него в голове, и ослабевшим голосом он вслух повторил свой вопрос.

— Тюрьма... Сибирь... — желчно передразнил его Свербеев. — Из тюрьмы выходят, из Сибири возвращаются. Да и опять же не страшна тебе, батюшка, Сибирь. Зачнешь с китайцами торговать или с Шелиховым в Росской Америке прибыль делить, вдвое богаче станешь.

— Так не крепость ли? — Ужас Корпа возрастал все более.

— Опять двадцать пять. Сказано, из тюрьмы возвращаются, значит, из крепости тоже возврат есть.

— А возврату нет... — договорил за него Корп прерывистым дишкантом, сменившим уверенный басок, — с того свету возврата нет, добрейший Иван Фадееч. Так вас изволите понимать? Господи милостивый!..

И бедный немец жалостно всхлипнул.

— На тот свет разными путями идут, — назидательно заметил обер-полицмейстер. — И тебе путь уготован особый.

Протянулась зловещая пауза. В этой паузе несчастный купец мысленно перебрал все виды смертной казни, предусмотренные законами Российской империи: расстреляние, повешение, отсечение головы, колесование, четвертование. Но сказано: путь особый... Лучше или хуже, великий боже?! И тут, надоев молчанием, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга генерал-поручик от кавалерии Свербеев, приподнявшись из почтения к государыниним словам с кресел, звучно произнес:

— Приказано из тебя, купца Корпа, сделать чучело и представить ее величеству императрице Екатерине Алексеевне через три дни.

Корп разинул рот и так, не смыкая челюстей, простоял несколько минут, пока отогрешаясь за печью зимняя муха, яростно жужжа, не угодила в разверстый зев и сим неожиданным репримандом вывела его из столбняка. Отплевываясь и ругаясь, купец вновь пришел в чувство и, заведомо зная тщетность возражения, все же высказал его:

— Осмелюсь заметить, господин обер-полицмейстер, что я гражданин вольного города Любека и...

— И-и, — протянул за ним, не дав окончить, Свербеев. — А я тебя за умного человека почитал, Федор Иванович. Какой там вольный город Любек ввиду сих бастионов. — И он кивнул подбородком на Петропавловскую крепость, видневшуюся из окна. — Что твой вольный город Любек, что провинциальный град Елабуга суть равные ничтожества перед могуществом царицыным. Эка чем вздумал напугать!

Корп и сам знал, что аргумент его слаб и шаток, а посему не стал упорствовать.

Справившись с самой трудной частью разговора, Свербеев заметно помягчел и успокоился. Бросив взгляд на стол, он с приятным удивлением обнаружил на нем добрый немецкий фриштык. Когда он успел появиться, кто его воздвиг в то время, когда решался вопрос о животе и смерти хозяина, неизвестно, но сейчас, когда самое неприятное было позади, можно было переменить начальное решение и вкусить яств в доме жертвенном.

— А у меня ведь с утра маковой росинки не было, — бодро произнес Свербеев, принимаясь за угощенье. — Твое здоровье, Федор Иванович!

Пригубленная чарка так и застыла у отверзшихся уст. «О каком, черт поberi, здоровье здесь говорить, — подумал с досадой обер-полицмейстер, — на кой ляд оно ему теперь». «Бывают и хуже обстоятельства, не унывай, душа Корп», — хотелось ему утешить немца, но разум подкасал, что хуже обстоятельств, пожалуй, и впрямь не бывает. «Эдак я совсем этот проклятый цнапс не выпью», — озлился он вдруг и построжавшим голосом сказал:

— А впрочем, за повиновение и послушание!

Чарка наконец была осушена. Закусывая грибками и принимаясь за кулебяку, Свербеев размышлял вслух, изредка кидая взгляд на купца, опять превратившегося в подобие соляного столба:

— Откровенно скажу, что причина ничтожная. Просто дрянь причина. И, по моему разумению, причина сия не что иное, как предлог. Замешан ты, любезный Корп, в делах посурезнее контрабандного товара. В делах, надо думать, к ведомству господина Шешковского принадлежащих. Отчего же не Степану Ивановичу, а мне поручено с тобой ведаться? Высшая политика! Степан Иванович мертвого сумеет разговорить, а разговоров твоих, верно, и не надобно. Набить чуело — и вся недолга! Да-а! Высшая политика, а я отдувайся! — И обер-полицмейстер в сокрушении покачал головой.

— Но как же свадьба, Иван Фадеич? — в отчаянии вдруг возопил соляной столб. — Как же свадьба добродетельной Амалии, в крещении православном Анастасии, с прекрасным и достойным офицером князем Чадовым? Послезавтра как раз и свадьба!

— О свадьбе забудь, — хмуро отвечивал Свербеев. — Через год справят, коли жених не сбежит. А тебе не о свадьбе сейчас думать, а о пределах, где несть ни печали, ни воздыхания.

— Боже мой! Боже мой! — возопил несчастный немец. — И зачем я покинул вольный город Любек, где моими пфафенкухен восхищалась сама госпожа президентша городского сената.

— Да, Россия-матушка — это тебе не пфафенкухен, — назидательно сказал обер-полицмейстер. — Однако же разговор разговором, а дело делом. В причины наказания, уготованного тебе, входить не буду и даже, если бы ты их, паче чаяния, стал объяснять мне, слушать не стану. Одного Шешковского на всю империю за глаза хватит, и коли уж ему не доверили, то мне влезать в твою подноготную резону нет.

— Да ведь и нет никакой подноготной, Иван Фадеич! — взмолился Корп.

— Всегда говорил, что ты умный человек, — заметил обер-полицмейстер. — Нет так нет, и даже лучше, что нет, чем если бы ты отвечивал «да». Значит, мне кривить душой не придется, сохраняя тайну опасную и сокровенную. Умница ты моя, — отнесся уже совсем любовно обер-полицмейстер к банкиру. — Другой бы исповедоваться начал, за коленки хватать, роптать бы стал, а тут — повиновение и послушание. Умница, — с удовольствием повторил он, утверждая столь выгодное для Корпа представление в своем сердце. — Но однако же, моя умница, как мы будем с тобой наше дело делать и государынину волю исполнять? Дело, надо сказать, новое и даже неслыханное, и с какого боку к нему подступиться, я еще не знаю. А время идет...

— Но нет ли возможности переменить решение? — стал приходить в себя потерявшийся вначале Корп. — Ежели бы допустили меня пасть к стопам государыни...

— Не допустят, — отрезал обер-полицмейстер.

— Тогда позволительно ли искать милости ее величества через близких трону сановников?

— Гм-м, — протянул Свербеев.

— Немногие мгновения, оставленные мне государыней, должен я посвятить составлению завещания. Упомяну в оном и вас, Иван Фадеич, поелику был взыскан вашими заботами и благодарным прослыть не хочу. Оставляю вам по завещанию аглицких рысаков, коих вы похвалить изволили, и сто тысяч деньгами на призрение сирых и обиженных.

— Пиши вексель на двести и ставь прошлым месяцем, — деловито сказал обер-полицмейстер. — В случае конфискации с казны требую.

— Сейчас будет исполнено. — И Корп направился к бюро, стоявшему напротив.

— Растрогал ты меня, Федор Иванович, — молвил Свербеев совсем уже ласково. — И чем могу облегчу твою участь, хотя, прямо скажу, многим помочь тебе не смогу. Уговоримся так: оставляю я теперь тебя

под караулом, но не возбраняю пересылку эпистолами и гонцами с нужными тебе людьми. Хлопочи, вдруг да помилуют, ибо сердце царево в руке божией. Верные сутки у тебя в запасе. Дольше не ручаюсь, можно ли оттянуть, чучела набивать не приходилось, работы небось не на один час, да и кожа, думаю, просохнуть должна. Сейчас поеду в Медицинскую коллегию, это будто по их части, посоветуюсь, как сию операцию производить. Ну, до встречи!

И обер-полицмейстер, поднявшись с кресел, шумно прошел к двери.

3

«Где стол был яств, там гроб стоит» — вслед за пиитой Гаврилой Державиным можно бы воскликнуть, окинув удрученным взглядом печальное жилище купца Корпа. Еще сегодня утром все богини счастья и радости оделяли его своими дарами. А через какой-нибудь час после посещения обер-полицмейстера все рухнуло в тартарары. Обессиленный Фридрих-Иоганн Корп возлегал в широких креслах, а несчастная, хоть и прелестная Амалихен впережежку со служанками ставила злосчастному отцу холодные компрессы. Ставила на лоб и грудь, сняв пудренный парик и расстегнув бумазейную рубашу. Мы забыли упомянуть, что Фридрих-Иоганн был вдов, а то бы к попечению дочери прибавились заботы супруги. Но супруга покоилась внутри ограды лютеранской кирхи, и любекский купец только дожидался дочкиной свадьбы, чтобы продолжить свою семейную биографию. Судьба, однако, хотела распорядиться иначе.

Тем временем в двери застучал деревянный молоток, лежавший по немецкому обычаю у парадного входа. Двери впустили заявленного жениха Амалии-Кристины-Доротеи Корп, во святом крещении Анастасии Федоровны. Сей жених был поручиком лейб-гвардии Измайловского полка князем Петром Ивановичем Чадовым.

Поручик был ослепительно молод, красив и глуп. Наиболее постоянная величина — перемена, и согласно сему все три поручиковы качества являлись состояниями временными. Молодость могла длиться еще лет пять — семь, красота ей сопутствовала, а глупость не отделялась в данном случае от молодости и красоты. Отличительным свойством сей возрастной категории была сущая каша в голове молодого гвардейца. Чего только не было в той каше! Вольтижировка и Вольтер, фаворитизм и франкмасонство, вертихвостки и вертеровщина, державность и Державин. Мы не зря сопрягаем столь разные понятия по начальным буквам слов, их обозначающих. Примерно так же соседствовали они в поручиковой голове, что немедленно отражалось на поступках. Едва дав оправить юбки юной фрейлине, молодой князь напускал на себя Вертерову меланхолию. Вскakiвая в седло, кривился вольтеровской усмешкой. И тут же, мимо всякого

скепсиса, двадцатитрехлетний честолюбец вдруг задумывался над осязаемыми лаврами Зоричей и Мамоновых, Ермоловых и Ланских. Ишь возмечтал о себе! — скажет завистливая молва, но тут же ошибется. С такими, а то и меньшими данными — поручик был чудо как хорош! — другие добивались власти, титулов, десятков тысяч душ. Не зря удачу фаворита окрестили случаем. Попасть в случай! — кто не тешился подобной возможностью в потемкинские времена.

Поручик был глуп, но глуп по возрасту и по времени. Все его поступки находили необходимое продолжение. Та же фрейлина, едва приведя себя в порядок, начинала вторить печальными вздохами санкт-петербургскому Вертеру. Измайловские офицеры нарекали верховых жеребцов и кобыл звучными именами вольтеровских героев — Кандида, Гурона, Заиры. В сию же минуту молодой гвардеец жаждал действия. В своем зеленом измайловском мундире он напоминал большого кузнечика, готовящегося взлететь. Взлететь для подвигов и на подвиги! Амальхен, залюбовавшись красавцем, подошла вплотную и на правах невесты облокотилась на спинку кресла, в котором покоился поручик. Покоился? Скорее напрягся! Вся поза его выражала напряжение, черты лица говорили о том же, точь-в-точь перед прыжком. Белоснежный парик, крутой лоб, тупой нос, пунцовый рот, большие глаза — прелесть, а не офицер! Если еще кого напоминал Чадов, то валета из царицыной колоды. Из царицыной? Тс-с. Оглянемся по сторонам. А чем не шутит черт! Нет, черт не пошутил. Право, жаль. Не хуже бы Мамонова оказался.

Прострация, в коей пребывал Корп, продолжалась недолго. Первой гильдии санкт-петербургский купец показал себя в тяжелую минуту человеком хладнокровным, трезвым, рачительным. Известный нам Иван Мюллер отправился за нотариусом и вскоре явился вместе с ним. Перед глазами Корпа была развернута опись, учиненная его движимому и недвижимому имению. Имущество, принадлежавшее купцу, оценивалось на сумму, близкую к миллиону рублей. Заметим, что при описях состояние оценивалось много ниже его реальной стоимости во избежание различного рода пошлин. В опись не вошли товары на кораблях и складах. Известная часть капитала была закреплена в долговых обязательствах. Список должников мог дать Корпу необходимые ориентиры в поисках поручителей, ходатаев, вызволителей.

Открывало перечень заемное письмо, данное с десятилетним сроком на пятьсот тысяч рублей. Под распиской стояло неудобнопроносимое имя. Понизив голос до шепота, банкир произнес:

— Павел. — И вдруг его осенило.

Здесь, только здесь источник царского гнева. Давно подкашивало ему сердце, что не стоило связываться с Гатчиной. Опальный цесаревич едва ли не на черный хлеб был посажен Екатериной Алексеевной. Полмиллиона не столь великая сумма для особы его

ранга, но дорога ложка к обеду. И сию ложку доброхотно поднес наследнику пряткий купец.

Никакие крамольные мысли не сопровождали данную акцию. Упаси боже, не видел проку в крамоле осторожный Корп. Но деньгами теми могли воспользоваться неосторожные люди. Ежели они послужили пружиной заговора, дело плохо.

Кто навел его на опасную мысль? Не иначе как Шамшеев, очередное увлечение пылкого Павла Петровича. Влюбленный в регламентировку цесаревич восхитился идеей Шамшеева крестить новорожденных точно по святам. На какой день святой, такое имя носить. Посыпались в шамшеевских деревнях имена, кои даже во сне не приснятся,— Псой и Пуд, Зотик и Кукша, Стадулия и Проскудия. Попечительный помещик не прочь был бы распространить сей порядок на всю Российскую империю, да тут руки оказались коротки. Поди заставь злоязычную вольтерьянку Дашкову назвать сына Дадой или Зотиком, а саркастического Щербатова наименовать дочку Пуплией или Кикалией.

Услышал же Корп от Шамшеева о денежных затруднениях наследника после заседания масонской ложи, когда вольные каменщики, без чинов и рангов, курили и пили кофе в гостиной елагинского дома. Еще одна скверная зацепка!

Знал Корп, хорошо знал, что царица косо смотрит на все эти новомодные фокус-покусы. Едва ли не от нее пошло уничтожительное «фрамозон» вместо горделивого «франкмасон». Нужно было ему голову совать в такой хомут! А все тщеславие треклятое, запоздало корил себя несчастный немец, захотелось, видите ли, поближе стать к знатым да вельможным.

Так или иначе, но, угадав причину, надо было исправлять следствие. Первого гонца Корп направил именно к цесаревичу в Гатчину. В письме кратко, но четко объяснялись поводы к его написанию и спокойно, но твердо испрашивалась помощь.

Затем были подписаны эпистолы к другим должникам. Среди них сверкала сиятельными именами екатерининская знать, теснилась, словно в большой приемной, чиновничья челядь, обжимался свой брат — купец и банкир. Попадались любопытные расписки вроде Ивана Степановича Шешковского, сына знаменитого начальника тайной канцелярии, или генерала Михельсона, пугачевского усмирителя.

Письма были подписаны и отосланы. Упреждая события, с тайной грустью скажем, что ни на одно из них ответа не последовало. А уж как умно были составлены, как верно излагались в них обстоятельства, какое достоинство в них сквозило! Отброшены были предложения наполовину скостить долг. Нет, никто даже звука не промолвил в ответ. Все проклятая столичная занятость, Санкт-петербургская суетня. Хорошо, что об этом ничего пока не знал бедный немец и новые тревоги еще не проникли в его истерзанную душу.

Рассеянный взгляд Корпа obeжал кабинет и вдруг наткнулся на фигуру поручика, застывшего в кресле. Измайловский кузнечик, не теряя времени даром, покрывал беззвучными поцелуями полные руки Амальхен. Невеста милостиво протянула их из-за спинки кресла. Хозяин дома недовольно кашлянул. Руки убрались.

— А что думаете вы предпринять, милостивый государь? — скорбно спросил Корп. — Неужто будете равнодушно взиpать на мученическую кончину невинного страдальца?

— Я уже решил, господин Корп, что мне надлежит делать, — встрепенулся Чадов. — Немедленно поеду к его светлости князю Щербатову, моему дядюшке. Он человек со связями, что-нибудь посоветует, а то и совершит. Сие неслыханное варварство...

— Тише, тише, — прервал его Корп, — Щербатов, одначе, не из любимцев ее величества. Впрочем, это тоже понадобится! Ну, если вздумал ехать, поезжай.

Амальхен бросилась вслед за устремившимся к выходу Чадовым.

4

— Во-первых, — с анафемской силой сказал старый князь, упирая на последний слог, — во-первых, Катька — стерва, сволочь, и — глядь, как оказала себя ее подлая натура. Вишь, Ивана Грозного вздумала из себя корчить. Сама немка, а бедного немчуру, словно зайца, решила освежевать. Здесь, одначе, большой политик, как говаривали во времена императора Петра. Без этой политики государыня не ходит даже и в нужник. — Случайная рифма развеселила Михайлу Михайловича, и он удовлетворенно хмыкнул. Ерго, надо все паче и паче обдумать.

— Во-вторых, — с анафемской силой сказал старый князь, упирая на второй слог, — во-вторых, упаси боже угодить Иезавели под горячую руку. Мигом на плахе окажешься, а то еще по примеру Корпа чучело из тебя набьют. Ерго, пришипиться, выжидать и слушать в оба уха. Понятно, сударь?

— В-третьих, — обычным голосом, с обычным ударением сказал старый князь, но именно потому, что ударение было верным, по аналогу с другими оно показалось неверным, — в-третьих, твою Амальхен надо послать к распротаковской матери, а жениться на моей крестнице.

Поручик Чадов оторопело взглянул на своего вельможного дядюшку. Михайло Михайлович Щербатов был шишконосый стариком с азартным взглядом веселых голубых глаз. Рука его, взбугренная синими венозными жилами («Голубая кровь вон где себя оказывает», — мрачно острил дядюшка), покоилась на только что оконченной рукописи. Перед приходом племянника ее принес князю постоянный

переписчик Евграф Шилов. Прочитав сызнова название — «Письмо к одному приятелю, в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненные его истории от г. генерал-майора Волтина», Михайло Михайлович умилился и пожаловал писарю сверх обещанной суммы елизаветинский червонец. «Покрупней теперешних будет», — не преминул съязвить противник Екатерины. Несмотря на ранний час, старый князь был одет, так как будто собирался на прием к императрице. Белый с голубишной парик был точно прилажен к объемистой голове, коса с кошельком улеглась как раз посредине синего атласного камзола, ровно обтянувшего спину, золотые пряжки на красных лакированных туфлях неугасимо блестели. Только что регалий не сверкало на груди, но, по правде говоря, Щербатов не был избалован отличиями.

Старик наслаждался оторопелостью юнца и стал не спеша развивать высказанные положения.

— Конечно, — выговорил он по-старомосковски, — конечно, хотя по-человечески немчуру и жаль, но великой печали я по сему поводу не испытываю. Ежели бы немцы друг другу почаще такие супризы устраивали, нашему брату-русаку много б легче на свете стало жить. Тут другая опасность, коли поглядеть в корень. Кабы Катька, разохотевшись на безответном немце, не вознамерилась и на нас попробовать подобные кунштюки.

Михайло Михайлович подложил руку под крутой подбородок и задумался, прикрыв на мгновение глаза морщинистыми веками.

— Так, может, не пришипиться, а предпринять некие шаги к предупреждению сего варварского поступка, — всхорохорился Петр Чадов.

Михайло Михайлович с любопытством посмотрел на молодого петушка.

— Пришипиться внешне, а стороной никто тебе не запрещает любые шаги предпринимать, только помни, что здесь любой faux-pas¹ приведет тебя на эшафот.

— А вы сами, дядюшка?

— Мне сюда мешаться не след. Я и так у царицы на заметке. Разве лишнюю страницу в свою инвективу «Повреждение нравов в России» впишу с превеликим удовольствием.

— И только-то?

— Ты, Петька, не дерзи. Мне видней позиция, чем тебе, дураку. Еще одно: к крестнице сватом сам буду. Так что считай себя женатым.

— Дядюшка! — взмолился вконец обескураженный поручик. — Что же это получается? Приезжаю хлопотать о злосчастном Корпе, так мало того что мне отказывают в участии, еще вырывают из объятий моих дочь мученика! Увы мне!

---

¹ Ложный шаг (франц.).

— Неужто в Измайловских казармах «Страдания молодого Вертера» прочитали? — изумился старый князь. — Или это тебе Амальхен подсунула? Впрочем, не от тебя первого эти кисло-сладкие речи слышу. Ты эту дрянь брось! Бурбонская Франция, замазав сей сентиментальной пастилой рот, к Генеральным Штатам скатывается. Что-то из них выйдет!

— Да ведь с Амальхен уже и свадьба назначена, — прервал дядюшку незадачливый жених, испугавшись, что тот погрузится в дебри европейской политики.

— Я тебе вместо отца, и так как покойник тебя вразумить не может, вразумит заблудшего старший родственник, — внушительно изрек Щербатов. — Не так уж окончательно пало русское дворянство, чтобы князья на безродных немецких булошниках женились. А ты хоть захудалый, а все-таки князишко. И родня твоя княжеская. Моя дура сестрица не благословясь выскочила за твоего папеньку, польстившись на его брови да усы. Подлинно буренушка пегая возле двора бегала, а тут нонеча усы проявились на Руси — прямо получились по этой шутовской песенке. Но сделанного не воротишь! — Здесь Михайло Михайлович горестно вздохнул. — Древнейший русский род Щербатовых, к Рюрику восходящий, породнился с какой-то чудской деревенщиной. Одно утешение, что тоже князья.

Последние слова были саркастически подчеркнуты, и это-то толкнуло молодого Чадова на неслыханное по тем временам нарушение родственной субординации.

— Осмелюсь возразить, ваша светлость, — звенящим от негодования голосом произнес поручик, — род мой не токмо не уступает в знатности щербатовскому, но частью и превосходит его.

«Старый князь изумленно воззрился на сумасшедшего. Щербатовы и впрямь были родовитее родовитых.

— Известно ли вам, почтеннейший дядюшка, что Чадовы не от смертных происходят, как все прочие княжеские роды, а от богини земли и неба, огня и воды, именуемой Чадь? Эфто поважней будет, чем тянуть колена от какого-то варяжского разбойника. Очень жаль, что его в оные времена Вадим Новгородский не окоротил.

И молодой князь, решительно довольный своей знатностью и независимостью, смелостью и образованностью, свободомыслием и прочими прекрасными качествами, снова застыл под прямым углом в просторном кресле.

Настала очередь оторопеть старому князю. Лишь через минуту-две он пришел в себя и вопреки характеру своему не возгневался.

— А теленок-то с зубками оказался, — с любопытством процедил он, предварительно пожевав губами. — Сей подробности я за чадовским родословием не знал и в том винюсь. Твоя чудская Гера с римской, конечно, равняться не может и небось недалеко ушла от наших киевских ведьм, а все же родословное древо весьма украшает. Варяжского разбойника я тебе по младости лет и व्यюношеской

запальчивости прощаю. Однако сказанное тобой, повысив значенье рода твоего, тем более убеждает меня в решительной невозможности жениться на булошнице.

— Да какая же она булошница! — возопил Чадов. — Батюшка ее почтенный купец, ему баронство скоро дадут...

— Пока что из него чучело хотят набить, — усмехнулся старый князь, — а купеческие его капиталы пойдут не иначе как в казну. — И вдруг, построжав, сменил обращение. — Перестань супротивничать, дурак! Я тебе внимал, когда ты о своей чудской богине рассказывал, а теперь ты слушай меня. И — подчиняйся.

Чадов хорошо знал дядюшку, и охота возражать ему на время пропала.

— Женься на дочке чучела, — возвысил голос старый князь, — ты не только свой, но и мой род грязнишь. «Ах, это те, что с чучелами в родстве» — вот такая присказка пойдет. Никакого урона твоему офицерскому слову не будет. «Дядюшка, который мне вместо отца, не соизволил разрешить» — вот и вся недолга. А мой товар, как на сватовстве говорится, сам себя окажет.

На звон колокольчика возник бравый казачок в красной рубашке и синих шароварах.

— Позови боярышню, — сказал дядюшка.

— А они тутотка стоят, — фыркнул мальчишка.

— Не обо всем болтай, что видишь, постреленок.

Казачок исчез, и через неуловимое мгновение в кабинете пеннорожденной Афродитой, впрочем, одетой по последней парижской моде, в юбке на китовом усе, заполнившей половину комнаты, с прической, уходящей под потолок, с мушкой у правого уголка припухшего рта, означавшей отсутствие предмета, появилась Лизанька Ознобишина. Впрочем, отрекомендовал ее старый князь со всей учтивостью как Елизавету Павловну, дочь бригадира, свою крестницу.

— Не сочту лишним сказать, — промолвил в заключение Михайло Михайлович, — что приданого за ней шестьсот сорок душ. Это я как опекун доподлинно знаю. Имена в Саратовской и Тульской губерниях, да еще подмосковная усадьба. Конечно, сие не корповские миллионы, но куш тоже неплохой. А главное, сама хороша.

Девушка черным веером опустила ресницы долу.

— А это князь Петр Чадов, о котором ты известна. Вырван мной из-под венца тебе на забаву и утешение. Голодранец, но малый славный. И к тому же еще божественного происхождения. Расскажи ей про свою Геру, — кивнул старик. — И готовьтесь к свадьбе. Сегодня вторник, в субботу справим.

— Ах, как скоро... — всплеснула руками Лизанька.

— Ничего не скоро! — прорезался вдруг голос молчавшего доселе Чадова. — Можно б еще быстрее...

O tempora! O mores! Женихом невинной Амальхен приехать в хлопотах за ее отца, ожидающего лютой казни, и мало того что тут же похерить эти хлопоты, еще и бесстыже надуть несчастную девицу. Итак, пусть делают из Корпа чучело, пусть к слезам дочери прибавятся слезы обманутой невесты! Ее злодей жених, отказавшись от сомнительных теперь миллионов, получит прочные шестьсот сорок душ вдобавок к очаровательной рожице Лизаньки Ознобишиной. Мушку ей придется переклеить на другую щеку: Предмет найден! Всего неделю назад приехала она из саратовской глуши, проездом успела приодеться-нарядиться у французов в Москве, свалилась как снег на голову опеку-дядюшке — и вот уже становится под венец с красавцем измайловцем. Есть от чего закружиться голове.

Превыше всех был доволен Михайло Михайлович Щербатов. Первый летописатель российский, несмотря на ироническое замечание царицы об отсутствии у него исторического дарования и наглые придирки генерал-майора Болтина, выше всего ставил собственный покой, предоставлявший ему возможность целиком отдаваться излюбленному делу, рыться в летописях и хартиях, вписывать новые страницы в бесчисленные свои труды. Вторжение хорошенькой девицы, опекуном коей он являлся, неизбежные заботы о ее будущем, необходимость не только вывозить, но и устраивать для нее балы удручали старого князя прямо-таки до бешенства. И вдруг счастливым метеором мелькнул в его сознании и яви поручик Чадов. Так что очень кстати о нем доложил казачок. Лизанька и не думала опровергать самовластное решение своей судьбы. Князь Чадов оказался милым и пригожим офицером, к тому же ее ровесником. «А ведь не дай бог за старика бы просватали», — мелькнуло в девичьей головке. Да и не было тогда обычая возражать старшим.

Князь Петр Чадов явил, разумеется, пример необычайного легкомыслия. Но ведь не каждому такая удача падает в руки. Прелестная невеста, да еще шестьсот сорок душ в придачу. Пропади они пропадом, злосчастный Корп вместе со своей Амальхен!

И вскоре из гостиной зазвучала стройным дуэтом пастораль:

Уже восходит солнце, стада идут в буга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любозная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О, темные дубравы, убежище сует,
В приятной вашей тени мирской печали нет.
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

— Коли не ошибаюсь, пьеса господина Сумарокова, — довольно усмехнулся старый князь.

Затем он направился в кабинет, где его ждала рукопись с началом прекрасной фразы: «Брюховность, сиречь материальность, к моему сокрушению, давно стала знаменьем нашего развратного века...»

5

Уже за фриштыком у Корпа определил обер-полицмейстер дальнейший маршрут. Трудность предстоящей акции состояла в ее полной неизведанности. Никаких инструкций о набивании чучел из здравствующих людей, хотя бы и немцев, не существовало. Правила надо было измысливать по ходу дела. Здесь Свербееву приходилось выступать в роли русского Коломбы. И первое, что вошло ему на ум, — Медицинская коллегия. «Прямое их дело, — подумал Иван Фадееч. — Не моим же малютам поручать сию ажурную операцию».

Карета загромыкала в Медицинскую коллегия. Президентом ее стоял Алексей Андреевич Ржевский, фигура заметная на санкт-петербургском небосклоне. Давнего рода тверских князей, потерявших титул еще при Юриковичах, он пренебрежительно относился к своему генеалогическому древу, уповая лишь на самого себя. «В наш просвещенный век, — говаривал он, — лучшие просветители — широкие плечи да быстрый ум, примером тому два Григория».

Конечно, до Орлова и Потемкина ему было далеко. Не хватало ласковой звероватости первого и потемкинских деревень второго. У тех рагвечи из низшего дворянства, которые едва ли своих дедов помнили, оказался такой запас неукротимой и напористой силищи, что состязаться с ними не представлялось возможным. Все у этих дьяволов было с большой буквы: и саженный рост, и прожекты, и взятки, и тщеславие, и беспринципность. Ржевскому с его почти тысячелетним дворянством они виделись какими-то Аларихами, ворвавшимися в Рим. Но изнеженным и слабовольным патрицием, кладущим шею под их палу, Алексею Андреевичу меньше всего хотелось стать. Да и не было у него ни патрицианских доходов, ни патрицианской разнеженности. Если не наравне с Аларихами, то рядом с ними! В 1762 году сержант Ржевский деятельно способствовал возведению Екатерины II на престол, и государыня навсегда отметила его в своей расчетливой памяти. После переворота карьера его направилась вверх: он быстро вышел в штаб-офицерские чины, а там и в генеральские. Когда годы вознамерились идти под угор, он с великим удовольствием принял спокойный, видный и денежный пост президента Медицинской коллегии. Во врачевании Алексей Андреевич, кроме домашних снадобий, приготовленных руками жены и тещи, мало что смыслил, но это делу не мешало. Обольстительная

пословица тех времен гласила: «Была бы милость, а всякого на все хватит». Тем более что Алексей Андреевич был не всякий, а приметный и заметный. Ни в какие времена люди умные, образованные, деятельные на дороге не валялись, а Ржевский относился к их числу.

Когда секретарь доложил ему о визите обер-полицмейстера, Алексей Андреич досадливо поморщился. Не любил он вмешательства властей, предрежащих в свои дела. Узнав, однако, от Свербеева о сути дела, президент Медицинской коллегии озадачился.

— Набить из немца чучело? — удивленно протянул он. Будучи повторенной, фантастическая фраза приобрела отчасти обытованное значение.

Ржевский, надо сказать, уже не царской, а божьей милостью был поэтом. Да-да, поэтом, притом еще и незаурядным. Его басни, написанные им в молодости, до сих пор повторялись в присловьях, а стихи он продолжал сочинять по теперешнюю пору. И, как поэт, он был склонен к метафорическому мышлению. «Скорее всего Екатерина Алексеевна вздумала прибегнуть к иносказанию, а этот осел вообразил бог весть что», — подумалось ему.

— Прошу прощения, почтеннейший Иван Фадееч, но верно ли вы поняли государыню? Не могла ли она иметь в виду, чтобы этого чучело-купца, пьяного остолопа, хорошенько проучить? Не из него, а просто: набить чучело, может быть, в смысле побить пьянчугу, то есть выдрать охальника?

— Тридцать пять лет на государевой службе, — обиделся Свербеев, — а вкось и вкривь толковать царицыны слова не научился. Грешно вам, Алексей Андрееч, дурака из меня строить. Да и какой же купец Корп пьяный остолоп! Разве что по великим праздникам чарку выпьет, а так трезвый из трезвых. Мне ли об этом не знать. Но вот проштрафился перед государыней — и битте-дритте.

Множество разнородных чувств и мыслей нахлынуло на Ржевского. Возмущение, негодование и подавленное вольнолюбие не были последними из них. Но возобладала над ними государственная осторожность. Высшая власть всегда права, ошибаются исполнители — гласил ее главный и постоянный закон. Ржевский в своей жизненной практике никогда от него не отступал. Не упустил он из виду и то обстоятельство, что от ведомства Ивана Фадееча до тайной канцелярии было рукой подать, а знаться с Шешковским никому не хотелось.

— Не устаю удивляться неизреченной мудрости нашей государыни, — сказал Ржевский с некоторой даже задумчивостью. — Объемное изображение преступника долгие годы, если не века, будет предостерегать грядущие поколения от повторения его злодеяний.

Свербеев посмотрел на собеседника с нескрываемой издевкой.

— Гм-гм. Всего-то преступления что контрабандный привоз разной дряни.

— Ну, это нам неведомо. Скрытные дела Корпа известны могут быть узкому кругу лиц, к коему мы с вами не принадлежим.

Обер-полицмейстер спорить не стал, его тревожили державные нужды, срочные и неотлагаемые.

— Так каким же образом, ваше превосходительство, будем мы с вами доводить до кондиции означенного немца? — поставил он вопрос на попа. — У вас, насколько я знаю, есть опытные препараторы, обученные сему искусству.

Страсть как не хотелось ввязываться в эту мерзкую историю Алексею Андреевичу.

— Извольте объяснить, господин генерал-поручик, — перевел он разговор на официальный язык, — почему вы обращаетесь с сим предложением в Медицинскую коллегия? В Академии наук есть не менее опытные препараторы. Да, наконец, можете вы обойтись и собственными средствами. В крайнем случае попросить о содействии...

— Шешковского? — подхватил обер-полицмейстер. — Так и знал, что упомянете о нем. Да нет, Алексей Андреич, ни мы, ни они этого дела не выдюжим. Топорная у нас работа, а здесь нужна ажурная.

Тут в голове президента Медицинской коллегии промелькнула ловкая мысль:

— А Корп в каком виде должен быть представлен для снятия, гм-гм, объемного изображения? В полном здравии или уже отошедшим из мира сего?..

Свербеев думал об этом, но хотел, чтобы сия мысль исходила от другого человека. С некоторой наигранностью он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Господи! Главного-то не сообразил. Умница ты, Алексей Андреич. Ведь одно дело с живого шкуру драть, другое — покойника потрошить.

— Полагаю, что именно другое, — решил Ржевский. — В наш просвещенный век нужно обходиться без излишних страданий, даже если имеешь дело с закоренелыми преступниками.

— Вестимо, не мое дело рассуждать, — молвил обер-полицмейстер. — Но к чему потом приспособить это, как вы изволили выразиться, объемное изображение? Может, в кунсткамеру, а может, и семье отдадут?

— А что? — оживился Ржевский. — Объемное изображение отца семейства, помещенное в гостиной или в передней, особливо если оно хорошо сделано, может весьма украсить vestibulum¹. Если фигуре придать вид приветственного поклона, несколько согнув правое колено, вложив в десницу шляпу, а в шуйцу платок, то впечатление будет прекрасное. Вот, мол, грешник, но повинившийся, преступник, но раскаянный, с радостью встречает входящих в дом сей. Слава

---

¹ Жилище.

государыне, духовно и материально соединившейся посредством объемного изображения с добродетельным семейством недобродетельного подданного.

— А вы уж, кажись, оду пишете? — ухмыльнулся Иван Фадееч. — Немного рановато. Пока что надо распознать, в каком виде готовить немца.

— Да, задача, — сошел с небес на землю Ржевский. — А спросить боитесь?

— До смерти! — признался Иван Фадееч. — Такого страху нагнала утресь, что не приведи господь. Поверите, с маркизом Пугачевым сравнивала.

— Это уж последнее дело, — посочувствовал Ржевский. — Так кто же может спросить?

— Потемкин! — прозвучал женский голосок у него над ухом.

Супружеское счастье четы Ржевских вошло в поговорку. Сам Державин воспел в стихах редкую удачу собрата по поэзии. Дарья Степановна, а по-домашнему Дашенька, Ржевская была непрременной советчицей мужу на всех извилистых путях-дорогах его царедворческой судьбы. Советчицей здоровой, тонкой, деликатной. Порой она удерживала авантюриста 1762 года от крайности, а иногда, наоборот, напоминала ему о необходимой решительности, которую утерял благодушный президент Медицинской коллегии. На службе привыкли к мимоходным посещениям Дашеньки. Она была достаточно умна, чтобы не вмешиваться в служебный распорядок, но для каждого — от сторожа до вице-президента — у нее находилось ласковое слово. Обворожить она умела хоть кого и хоть когда. Лет на десять моложе мужа, она свои тридцать восемь лет искусно облакала в двадцативосьмилетнюю свежесть, подвижность и улыбчивость. «Не на десять, а на двадцать я тебя старше», — шутил говорил ей Алексей Андрееч.

— Я все слышала, — без всяких околичностей объявила Дашенька. — Проскользнула за портьеру и все-все услышала. Так повторяю: Потемкин!

Иван Фадееч, как и весь Петербург, был наслышан о брачных отношениях Ржевских и знал, что никаких секретов у Алексея Андреевича от жены нет. Поэтому он никак не смутился таким вторжением в деликатное дело, а принял его как должное.

— Поди-кося, — ответил он по некотором раздумье, — к светлейшему тоже запросто не попадешь, но времени-то нет...

— А племянницы? — воскликнула Дашенька. — Предоставьте, господа мужчины, заняться этим страшным делом слабому полу. Все-таки мне кажется, что здесь не все так ясно, как вам представляется.

— Чего уж яснее, — нахмурился Свербеев. — Содрать шкуру, да и только.

— Посмотрим, посмотрим, посмотрим... — примечанием на полях приговора улыбнулась Дашенька.

— Так когда ожидать вестей? — обратился обер-полицмейстер к Ржевскому. — Время подгоняет!

— Не успеете оглянуться, — шаловливо ответила Дарья Степановна и, подхватив под руку полицейскую власть имперской столицы, направилась к дверям.

Ржевский остался один. Сбросив с лица и души прочный заслон, в коем он выступал благодушным, снисходительным, дипломатичным вельможей, он вдруг превратился в пожилого, накануне старости человека с усталο опущенными углами рта, запудренными припухлостями у глаз, больных и настороженных.

— Когда все это кончится, — прошептал он про себя, — когда кончится?.. Наверное, никогда.

За этой фразой стояло многое. Только-только все начинало успокаиваться: отошел в прошлое пугачевский бунт, в градах и весях стояла тишина, внешняя политика была дерзновенна и удачлива, границы расширились, включив в российские владения Крым и Белоруссию, искусство и науки процветали, любезная его сердцу поэзия расправила крылья, масонство все больше набирало силу. И вдруг такой неожиданный и жестокий поворот. Чем он вызван, чего ждать еще? Последнее звено в рассуждениях Ржевского имело для него особое значение. Еще в семидесятых годах он поступил в вольные каменщики, а затем, пройдя несколько ступеней посвящения, возведен в ранг мастера масонской ложи «Астрей». Именно в этом качестве не далее как полгода назад он принял в рядовые члены проклятого Корпа, прельщенного возможностью завязать в ложе важные и нужные знакомства. Такой дряни, как этот Корп, разменивающей высокие движения духа на свои мелкие нужды, всегда было хоть отбавляй вокруг и внутри масонства. Но оно в лице деятелей, подобных Ржевскому, в свою очередь, использовало Корпов обычно как дойных коров. Так или иначе, Корп числился в масонах. Нити, протянутые от него, поднимались бог весть в какие выси. Жестокая казнь Корпа могла стать началом злейших репрессий. Императрица с неприязненным вниманием следила за масонством. Когда же до нее дошло, что ее опальный наследник Павел Петрович присутствовал на заседании «Астреи» одетый в грубую рясу францисканского монаха, такое шутовство ей вовсе не понравилось. Отсюда был только шаг до государственного заговора. Ржевский запоздало ругал себя за проявленную неосторожность. С другой стороны, привлечь к масонству не просто сильных, но сильнейших мира сего было фактической его задачей. Романтичного же цесаревича монашеской рясой да свечами и черепами только и возможно было склонить в его пользу.

— Ну, что было, то прошло, — опять вслух подумал Ржевский. И уже молча продолжил мысль: «С Корпа сдерут шкуру, а для меня по меньшей мере каземат до конца дней. Бр-р»..

Каким ослепительным казалось начало царствования молодой императрицы! Свобода, осененная державным скипетром, вольность под сенью горностаевой мантии. Просвещение, заливающее ровным сиянием российские доли. А вокруг юной монархии юные сподвижники, веселые, щедрые, деятельные. И он, Ржевский, среди них. Куда все это делось? Конец правления ополоумевшей немки так и будет рисоваться ее соотечественникам в виде святомученика Варфоломея со снятой кожей, а грубее говоря, ободранного кота. Алексей Андреевич горько усмехнулся.

Однако что-то нужно было предпринимать. От разъяснения Потемкина мало что переменится. Собратом по масонской ложе был молодой Размятелев, близкий одновременно и к царице и к наследнику. Несмотря на возраст, он весьма натерел в дворцовых ухищрениях.

— Лошадей! — крикнул Ржевский выбежавшему на звон колокольчика рыжему камердинеру.

6

Павел Петрович только что отобедал на приватной половине гатчинского дворца, когда сквозь камер-лакеев размахистым шагом прошел в Малый кабинет молодой Размятелев. Роль его была двойственна, и выполнял он ее умно, дерзко и тактично. В глазах цесаревича граф был дальновидным царедворцем, глядевшим в будущее, а не в прошлое. В глазах государыни — талантливым лоботрясом, чья информация о гатчинских порядках соединяла своевременность с пикантностью. Размятелев мог угодить сему и овамо, но угодливость его не сопрягалась с лакейством. Он мог быть дерзок до изумления и был вполне человеком восемнадцатого века, взрастившего авантюрные дарования Казановы и Сен-Жермена, д'Эона и Калиостро. Мастер интриги, он сочинял ее, жил в ней, подымался с нею, но никогда не падал.

Идея займа у Корпа принадлежала ему, именно он подсунул ее Павлу Петровичу, а потом перебросил дураку Шамшееву. Когда зерно попало в тщеславную Корпову душу, он быстро дал проклюнуться ростку. Налившийся колос обрел стоимость в полмиллиона рублей.

Совершенно походя Размятелев обещал наследнику прощупать князя Чадова, жениха Амальхен, на предмет привлечения к возможному... Нет, слово «заговор», упаси боже, не упоминалось, и это придавало в глазах молодого интригана особую тонкость готовящемуся кушанью. Говорилось лишь о друзьях из гвардии, чьи симпатии необходимы цесаревичу.

В данном случае сей друг из гвардии был нищ, тщеславен и окончательно бесполезен. О последнем обстоятельстве надо было помнить, учитывая близкую заинтересованность государыни в тако-

вых друзьях. А что лучше бесполезности можно было ей предложить? Князь Чадов был из захудалого рода, не Рюрикович, не Гедиминович, а черт знает кто, из мордовских или черемисских князей. Чухонскую Геру можно было вспоминать только в минуту большой запальчивости.

Никакими связями Чадов также не обладал, положению в гвардии мешало постоянное безденежье. Размятелев был в общем-то добрый малый и, раз полубопытствовав в Чадове, сумел решительно продвинуть вперед его сватовство к Амальхен. Тут все получилось само собой: Корпу, весьма пренебрежительно отнесемуся к нищему князю, он внушил представление о славном будущем зятя, а Павлу Петровичу, доселе слыхом не слыжавшему о Чадове, изобразил его как заметную фигуру в Измайловском полку. Все это Размятелев делал как бы по наитию, и как раз потому все у него и получалось.

Корп согласился на брак и на заем. Государыне, делавшей вид полного равнодушия к предприятиям наследника, но ничего не упускавшей с глаз своих, он нарисовал происходящее как мышкины забавы на хвосте у кошки. Не могла понравиться Екатерине Алексеевне сумма займа: не очень велика, но и не очень мала. Этот вопрос нужно было как-то обойти, и Размятелев обещал царице привезти точный реестр будущих расходов. «Хорошо, — изволила сказать государыня, — но на весь будущий, а впрочем, и следующий за ним год ни рубля ни от кого, кроме меня». Авантюрный граф послушно склонил голову.

И вот сейчас Размятелев, встав за три шага от Павла Петровича, сокрушенно и прерывисто вздохнул. Такие вздохи входили в ритуал встреч грансиньора и наперсника. Грансиньор узнавал по ним о содержании доклада. Легкий, еле слышный вздох — приятные новости, протяжный и brutalный — важный разговор, а такой вот, как этот, — тревога, тревога, тревога. А Павлу Петровичу было о чем тревожиться.

К Размятелеву он относился с не знающим меры доверием, на которое способны лишь не в меру подозрительные люди. Доверие это зиждилось на мнимой фронде графа, многожды преувеличенной в его рассказах, мнимой отчаянности, будто бы руководившей его поступками, мнимой неприязни к государыне, якобы державшей на него гнев из-за цесаревича.

Помогало приязни внешнее сходство. Размятелев был как бы улущенным изданием Павла Петровича. По возрасту он годился в племянники своему покровителю, но по внешности прямо в сыновья. Павел Петрович тешил себя мыслью, что именно таким молодцом он был в юности. Он и был бы им, если б господь прибавил ему двух-трех вершков росту, подправил курносость и скуластость. Тех же щей, да погуще влей! Размятелев был на полголовы выше цесаревича, но в его круголицести, вздернутом носе, голубых, навывкате глазах впрямь

можно было угадать подправленные черты наследника. Конечно, характер был совсем иной! Родись Размятелев в начале века, ему бы служить в денщиках у великого Петра. В денщиках, кои не только ваксили царские сапоги, но выполняли государевы поручения. Веселый, поспешный, увертливый, он был на все руки, за чем пошли, то и делает.

Итак, Размятелев вздохнул сокрушенно и прерывисто.

— Плохие вести?— чуть заикнувшись, спросил грансиньор.

— Не столь плохие, сколь странные...

— Тянуть не смей.

— На утреннем рапорте государыня в великом гневе указала Свербееву набить из Корпа чучело.

— Какое чучело? Почему чучело? Зачем чучело?

— О сем только гадать приходится.

— Каковы догадки?

— Устрашенье Гатчины, ваше императорское высочество,— тихо, медленно, внушительно проговорил Размятелев.

Цесаревич вскочил с кресла и заметался по комнате.

— Господи сил! Неужто заем злосчастный так отыгрался немцу? И все опять на меня!

— Государыня подозрительна. Корпу был передан милостивый отзыв вашего высочества об измайловце Чадове. Такие рекомендации в тайне не держатся. Связь с гвардией, подкрепленная деньгами, да еще масонство.

— Позволь, разве Корп масон?

— Полагают.

— А которой логи?

— Может быть, «Урании».

Все заколебалось в зыбком разуме цесаревича. Вспыхивали и рассыпались причудливым фейерверком, составленным из множества фигур, странные и дикие видения. О, эти фигуры! Страшная тень Петра верхним дуновением прошла над ним. То был прадед, великий и несвергаемый. Что он значил перед ним, ничтожный гатчинец! Придавленное августейшим каблуком самолюбие вырывалось из-под него, негодуя и гневаясь. Постоянным его спутником выступало тщеславие, напоминающее о себе множеством унижений, которые персонифицировались в гнусном лике одноглазого фаворита. Но превыше всего был страх. Он бил наотмашь, сгибая волю, затмевая рассудок. Ни последние рабы, ни первейшие особы империи не были защищены от него, всевластного и всепроникающего. Фигуры фейерверка, принимавшие вид кругов, овалов, квадратов, вдруг собрались в параллелограмм, а тот своеочередно в сутулую долговзость царевича Алексея. Куда только, несчастный, не пытался ударять, где не хотел спрятаться. Вплоть до Неаполя достигнул. Все зря! Властная рука самодержца вытащила его из заморского убежища

и бросила на пытку и плаху в родных пределах. Сами венценосцы не были избавлены не токмо от страха — от ужаса! Что чувствовал бедный Иоанн Антонович под направленной в сердце шпагой в шлисельбургском каземате? А собственный отец его Петр III под безжалостными пальцами душителей? Нет, не будет при надобности считаться с нелюбимым отпрыском Екатерина Алексеевна, злая и дурная мать, распутная и жестокая повелительница.

Фейерверк догорел. Размятелев знал, что подобные приступы длятся много коли полчаса. Правда, в оные полчаса таких чудес можно было насмотреться, что не приведи бог. Цесаревич снова оказался в креслах, снова доступный увещаниям и суждениям.

За полчаса беспорядочных выкриков и выкриков привычный к сему Размятелев имел возможность прикинуть свое место в сложившейся ситуации. Впрочем, определил он его еще по пути в Гатчину, а теперь лишь уточнил частности. Для него было ясно следующее. Сколько-нибудь значительной опоры ни в придворных кругах, ни в гвардии у Павла Петровича не было. Люди, пытавшиеся держать на него ставку, Панины и Куракины, были разосланы по деревням, Екатерина Алексеевна, однако, памятуя о легкости дворцовых переворотов, последним из которых она сама была возведена на трон, не хотела отдаваться на волю случая. Всегда найдутся горячие головы, всегда съдутся удалцы, решившие скакнуть из грязи в князи, из писарей в канцлеры, из сержантов в фельдмаршалы. Подобные скачки были у всех не только на памяти, но и на глазах. Удачный переворот сулил неисчислимо многое счастливым его участникам. Ежели вдобавок удалые и горячие головы будут направляться головами холодными и расчетливыми, тогда шутки плохи. И царица таких шуток допускать не хотела. Наследник носу не смел показать из Гатчины, где в утеху ему был оставлен полк солдат, небольшой штат служителей и с дюжину царедворцев второго ранга. Сыновья Александр и Константин были отобраны у отца и воспитывались бабкой, помышлявшей лишить цесаревича наследства и передать престол прямо старшему внуку Александру. Относительно младшего, Константина, строились далеко идущие планы о короне греческой империи. В связи с этим даже имя августейшему младенцу было подыскано соответствующее. Последним императором Византии являлся, как известно, Константин XII.

Павлу Петровичу ввиду сих фантазмагорий, грозивших стать ошутимой явью, оставалось муштровать на прусский манер своих гатчинцев, терзаться от крупных и мелких укоров самолюбия, тешиться грядущими переменами и расправами над сегодняшними обидчиками. Надежд на свержение законной монархии не оказывалось. Екатерина Алексеевна заласкала дворянство, приручила гвардию, придавила бесчисленных подданных. Искать будущих заговорщиков без того, чтобы тут же не попасться на зубы

Шешковскому, было затруднительно. В отчаянье Павел Петрович попытался ухватить в руки призрачный луч масонства, но он проскользнул сквозь пальцы, не оставив в памяти ничего, кроме странных обрядов и обетов. Быстрое увлечение цесаревича злоще аукнулось на судьбе Корпа. Размятеlevский разум не желал разбираться в масонских умозрениях. Девственно чистый и юношески трезвый, он отбрасывал их, словно пыльную паутину с зеркального дворцового окна. Размятеlev полностью был согласен не токмо умом, но даже сердцем с екатерининским определением масонства как противонелепого общества. Светская религия, коли на то пошло, значительно уступала в его глазах праотческой с привычными попами, скороговорочными «отченашами» и свяченными пасхами. Постоянный враг масонов Потемкин, глядевший на них с брезгливой настороженностью, являлся для Размятеlevа постоянным образцом.

Подобные мысли попеременно с черепами, шпагами, треугольниками и другими масонскими атрибутами проносились в быстром и холодном мозгу Размятеlevа, пока он наблюдал бушевавшего цесаревича. Свое место в ситуации граф уже определил. Позиция его вместе с наследником сводилась к краткой формуле: игнорировать и отрицать. Цесаревич данную программу принял.

Под сию формулу и угодил Иван Мюллер, посланец злосчастного Корпа, беспрепятственно прошедший в Малый кабинет. Беспрепятственно, ибо путь от займодавца к должнику всегда был прямым, если речь шла не об отдаче денег. Здесь же заем был свежим и даже проценты еще не успели нарасти.

Формула была тут же применена к делу. Грансиньору даже не пришлось вступаться.

— Вот что, любезнейший,— брезгливо проговорил Размятеlev,— срок займу десять лет, а до тех пор его императорское высочество цесаревич Павел Петрович слыхом не хочет слышать о всей вашей ничтожной компании. Никаких дел с такой братией иметь ему невместно.— С этими словами граф разорвал на мелкие клочки почтительную просьбу Корпа.— А теперь вон, любезнейший.

Павел Петрович смотрел сквозь Ивана Мюллера. Он его просто не видел.

Схожий с львиным рыканьем хохот провожал тощую фигуру доминиканского патера Жозефа де Пальма. Опрометью мчался патер по скользкому мрамору Таврического дворца, то попадая на бархатные дорожки, то сбиваясь с них, пока не вылетел к парадной лестнице. Кубарем скатился с нее и, едва не забыв шубу на руках дежурного гайдука, выскочил на улицу. Оглянувшись на высокие окна дворца, он вдруг тонко и растерянно всхлипнул.

— Люцифер! — невесть кому пожаловался де Пальма.

Недавняя сцена вновь проходила перед глазами доминиканца. Патер Жозеф после долгих просьб и настояний удостоился приема у могущественного Потемкина. Светлейший князь вновь был награжден всеми возможными знаками отличий во время своего праздничного отпуска с поля брани после взятия Очакова. Звезда его после охлаждения царицы к Мамонову снова стояла высоко. Патер возлагал большие надежды на свой визит и тщательно готовился к нему. Цель его состояла ни много ни мало в воссоединении церквей римской и греческой. Следуя стройной логике ученика святого Доминика, достаточно было императрице вместе с близкими вельможами принять догматы католицизма, как законопослушный народ, распевая «Te Deum laudamus»¹, преклонит колени пред наместником божьим на земле. Мысль эта казалась патеру Жозефу настолько простой, ясной и достижимой, что он никак не сомневался в ее осуществлении. Стоило лишь доказать Потемкину преимущества истинной религии перед ложной, и первый вельможа государства убедит царицу в необходимости великого шага. Себя самого патер Жозеф прозревал причисленным к апостолам святой веры, со светящимся венцом вокруг горбоносого лика.

Потемкин принял его сидя, но и в креслах, обычно скрадывающих рост, показался патеру огромным до чудовищности. То ли не сошел с него загар Новороссии, то ли был он смугл от природы, но утонченному посланцу Рима князь Таврический показался истым азиатом. Такому впечатлению содействовал просторный бухарский халат, в который запахнулся Григорий Александрович. Фельдмаршал был без парика. Тронутые сединой — перец с солью! — темные спутанные волосы спускались на выпуклый лоб.

— Ну что там у тебя? — бесцеремонно тыкнул его Потемкин.

Патер, не смущаясь таковой фамильярностью, вполне уместной при обращениях высших к низшим, стал развивать свои умоудказательства.

Светлейший слушал его с заинтересованным вниманием.

— Разъединение церквей пагубно сказывается на судьбах всего христианства, — развргивал суждения доминиканец. — Еще Флорентийский собор пытался излечить сию застарелую болезнь.

Вице-император, как его величали завистники, весь превратился в слух.

— Могущество святого престола обнимает обе Индии, Африку и Азию, теперь оно достигнет до Камчатки и Росской Америки, — вдохновенно вещал патер.

Ничто не дрогнуло на каменном лице первого вельможи империи.

— Рим благословит крестовый поход против Турции, — непреерекаемо заверил де Пальма. — Во власти папы вязать и разрешать.

---

¹ Тебе бога хвалим (лат.).

Светлейший посмотрел на доминиканца, как тому показалось, чуть пристальнее.

— Сколь велико будет торжество христианского мира! — поднялся на высокую ноту опытный проповедник. — Едва кумир своих подданных Екатерина Великая примет истинную веру, как...

Тут де Пальма запнулся. Рука Потемкина, подпиравшая крутой подбородок, поднялась к щеке, выхватила из-под века левый глаз и подкинула его кверху. Поймав, снова подбросила. Еще раз, еще раз. Снова, снова, снова.

Будто mesmerу опыту подверженный, остолбенело смотрел патер Жозеф на движения рук светлейшего. Тот уже действовал обеими дланями, между коих прыгал большой голубой глаз с черным зрачком. В какое-то мгновение доминиканец вдруг увидел, как зрачок превратился в головку чертика. Чертик тоненькой лапкой почесал рожки и, высунув красный язык, подразнился им.

— Люцифер! — возопил патер и стремглав выскочил наружу.

Вдогонку ему загремел львиный хохот князя Таврического.

Много после де Пальма сокрушенно сознавался, что в те минуты полностью запаматовал о том, что Потемкин был крив.

Светлейший еще не отхохотался, когда дверь в его покои приоткрыла Сашенька, ближняя племянница князя. Не случайно название ближней, так как попеременно одни приближались, другие отдалялись. Были и дальние. Всего их числилось пять сестер, — Александра, Варвара, Екатерина, Надежда и Татьяна. Красавицы, богачки, фрейлины царицы, они считались завидными невестами, но дядя неохотно отдавал их в замужество. Рано или поздно, они все же выскакивали за счастливых, но светлейший продолжал их держать в своей орбите. На этот раз Александра Браницкая сразу по приезде фельдмаршала в отпуск расположилась в его дворце на правах хозяйки и домоправительницы. Кстати говоря, Сашенькой ее звал только сам Потемкин. Умная, гордая, властная, никому, кроме него, она не позволяла подобной короткости. Светлейший в отличие от большинства умел ценить достоинства даже в ближних. Не зря при смерти он хотел видеть ее около себя. Заметим, что из всей прекрасной пятерки, кажется, лишь она одна оставалась для Потемкина только племянницей.

Красавицами всю эту девицу, включая Сашеньку, можно было назвать лишь условно. На выставке северной красоты, каким зарекомендовал себя в Европе екатерининский двор, потемкинские родственницы отодвинулись бы во второй, а то и в третий ряд. Не то что они казались дурнушками, нет, миловидную прелесть их никто не оспаривал, но конкурентки, блиставшие прямо-таки фантазмагорической статью, не дали бы им ходу. Однако сверканье вельможного имени было таково, что все достоинства Варенек, Наденек, Катенек множились на него многажды. Именно племянницам было обеспечено

постоянное место в капризном сердце светлейшего. А близость к нему в буквальном смысле ценилась на вес золота.

Чем объяснялось подобное внимание к степени второго родства? Такой трехбунчукный паша, каким являлся Потемкин, мог ведь и впрямь перенести мусульманские обычаи в православную столицу. Достаточно было ему моргнуть единственным оком, как первостатейные петербургские красавицы сплели бы вокруг него шаловливый хоровод, готовый к чему угодно. Взгляд Потемкина, однако, останавливаясь неподолгу на владычицах большого света, неизменно возвращался в домашний круг. И он был сполна вознагражден за такую последовательность. Каких восторгов не принесла ему Варенька! Запечатанные именными перстнями записки пересылались из одних дворцовых покоев в другие. Сердца горели, сердца пылали...

Варенька давно уже стала княгиней Голицыной, восторги прерывались, но не стихали. Но с графиней Браницкой отношения установились иные. Александра Васильевна вошла в приоткрытые двери потемкинского кабинета. Дав отсмеяться дядюшке до конца, она спросила о причине смеха. Князь, прерывая рассказ новыми взрывами хохота, объяснил ей суть дела. Она поулыбалась вслед за ним.

— Но тут вот какая гиштория, — не без озабоченности сказала старшая племянница. — Мне ее сейчас на хвосте принесла Даша Ржевская.

И она пересказала известное нам.

Даже выдавший всякие виды Потемкин озаботился.

— Нет, Ржевиху ко мне не зови. Больше, чем она выболтала, не скажет. Диковинно, что мне ничего не известно. Случилось дело утром, но такие предприятия подготавливаются заранее.

Потемкин был человеком обстоятельств, а не цели и плана. Но с обстоятельствами он справлялся мастерски, и теперешнее, вновь возникшее, он тут же решил обратить в свою пользу. Подперев щеку ладонью, он протянул сильную и резкую ногу:

— Увидела я, младшенька, свою тень на воде.

Ох, тень моя, тень пустая,

Тень холодная, как вода на реке.

Не зря эта песенка ко мне с утра пристала. Все мы тени на воде. Пустые тени, Сашенька, холодные тени.

— Из теней чучел не набивают, — сумрачно заметила Саша.

— И то верно. Разве только этим мы и подтверждаем свое земное существование. Скажи Ржевихе, — приказательно отнесся он к племяннице, — что я займусь ее делом. Придется, видно, ехать к госуда-рыне.

Александра Васильевна покинула апартаменты, а светлейший с помощью камердинеров стал готовиться к посещению царицы. За одеванием он перебрал поводы скверного настроения, из которого его на короткое время вывел анекдотический визит патера Жозефа.

Пребывание фельдмаршала в столице подходило к концу, пришла пора возвращаться к армии, воевавшей в Причерноморье против турок, не согласно его воле, а скорее вопреки ей. Подчиненные ему генералы во главе со строптивцем Суворовым гнули свою линию. Здесь, в Петербурге, ему удалось пожать лавры не только за себя, а и за них. Новые пожалования, новые отличия, новые имена. Супротивников, оставшихся при войсках, обделили. Фельдмаршальского жезла Суворов еще подождет.

Екатерина Алексеевна соглашалась с рекомендациями своего постоянного любимца, они сходились с ее взглядами. Талантливых полководцев надо всемерно поощрять, с одной стороны, а с другой — держать в крепкой узде, дабы окоротить преторианские намерения. Потемкин в действующей армии осуществлял ее личную власть, и сопротивление светлейшему равнялось противлению самой царице. Возьми Суворов еще хоть десять Очаковых, в споре с ним прав оказался бы все равно Потемкин. Тут Григорий Александрович мог быть всегда уверен в своем неопровержимом выигрыше.

Тем более точил его неутолимый червь. Удачливому человеку кажется, что удача будет сопутствовать ему во всем, за что бы он ни взялся. Хороший политик, Потемкин не сомневался, что станет и хорошим военачальником. Он ли не умел распоряжаться людьми, он ли их не знал? За год раньше становились ему видны их поползновения. Решительности, сметки, ловкости, да, если хотите, жестокости занимать тоже не приходилось. И вот при всех этих блистательных качествах Потемкину так же далеко было на поле брани до Румянцева и Суворова, как им до него на дворцовом паркете. Будучи человеком умным, превосходство профессионалов марсовой науки он оценить, естественно, умел. Популярностью среди солдат, как тот и другой, Потемкин тоже не обладал. При всей его щедрости, когда он мог запойть и подарить целую армию, Суворов, хоть был и скупенек, одной ложкой, погруженной в солдатскую кашу, полностью заслонял все размашистые жесты любимца Екатерины.

Само отношение полководцев-практиков было к нему обидно снисходительным. Внешняя почтительность, диктуемая субординацией, соблюдалась точно, но не более. Это напоминало Потемкину его знакомство с пиитом Ермилом Костровым. Пьянчуга, оборванец, подзаборник, с каким насмешливым высокомерием поглядел тот на него, когда он сдуру подsunул ему свои вирши. «Изрядно, изрядно. Рифмовать только надо подучиться, ваша светлость. Впрочем, это дело нехитрое, я вам покажу». Тогда он, к счастью, нашел хороший выход. Велел выкатить бочку полугара и сказал, хохотнув: «Утопись ты в ней вместе со своими рифмами». Но полководцам так не ответишь.

Помилования и награды, полученные светлейшим, при всей своей грандиозности имели досадно утешительный характер. Екатерина в душе была довольна стратегическими незадачами фаворита. Чрезмерное обилие талантов, соединенных в одном человеке, всегда грозит непредвиденными осложнениями. Уж и так Потемкина за глаза величали некоронованным монархом, а при наличии у него Цезарева или Аннибалова гения он смог бы, пожалуй, стать и коронованным. Теперь призрак возможного величия отступил раз и навсегда в небытие, и утрату его никакие награды не возмещали.

Беспокоила Потемкина и сама царица. Накануне своего шестидесятилетия она не хотела отказываться от Овидиевой науки, и жаждущий взгляд ее обещал возвести в случай нового фаворита. Упаси боже, Григорий Александрович не ревновал государыню ни к одному из этих красавцев. Васильчиковы, Зорицы, Завадовские, Корсаковы, Ланские, Ермоловы, Мамоновы приходили и уходили, а он оставался в постоянных любимцах, как племянницы при нем самом. Давно уже не было у него с Екатериной альковной близости, но духовное согласие от этого едва ли не увеличивалось. Порой он сам подталкивал к державной постели нового фаворита, из своих рук обеспечивая спокойный путь государственного экипажа.

Пока он был в отсутствии, Мамонов, прогневив императрицу, получил отставку, а нового красавца еще не было приспикано. Царицыны глаза все чаще останавливались на молодом Платоне Зубове. Хорош был, подлец, несказанно. Но за античной внешностью что в башке у этого мальчишки? Удовлетворится он титулами и поместьями или замахнется на его, Потемкина, прерогативы?

В карете по дороге в Зимний Григорий Александрович окончательно расставил по местам все про и contra в этой странной гиштории.

«Все это не вяжется с основной политикой империи. Сама ли Екатерина Алексеевна смилостивилась, палач ли последнюю услугу самозванцу оказал, но даже Пугачеву четвертование на самом эшафоте заменено отсечением головы. А тут с безвестного немца шкуру драть. Вещи несовместимые.

А что, если это блеф? Воронцов привез новое слово из Лондона. Не понравился мне покер. Игра для агличких скупердяев. Солдатское наше «очко» не в пример лучше. Так, может, государыня хочет лишь припугнуть баловников? Но только выбрано чересчур сильное средство. Ах, Екатерина Алексеевна, не стало рядом с тобой хороших советчиков. Припугнуть нужно, но и в остратке надо знать меру, а то прямо в Марии Кровавые попадешь.

Вот здесь-то и состоит возможность моего выигрыша. Хватай снова фортуна за чуб, Григорий Александрович! Это начало нити, а там и клубок размотаю».

Потемкин откинул голову на красный сафьян и прикрыл зрячее око. Другое, незрячее, осталось открытым, и холодная голубизна его не

выражала никакого участия к терзаниям приговоренного Корпа, к сомнениям Щербатова, к боязни Ржевского, к страхам цесаревича, к заботам всех причастных к сей гиштории.

Не виделось в незрячем оке и никакого участия к зловещим последствиям, кои могут возникнуть для империи после неслыханной и страшной казни.

Карета подъехала к Зимнему дворцу, и арап, спрыгнув с запяток, распахнул дверцу, из коей на крепкий морозный снег вышел, мгновенно распрямившись, генерал-фельдмаршал российских войск светлейший князь Потемкин-Таврический.

8

— Где государыня? — гремел потемкинский бас, наполняя собой покои до самого потолка. — Я тебя, старая ведьма, наизнанку выворочу и на ту вон печь сушить повешу.

Протасова, давняя наперсница Екатерины, не боявшаяся никого на свете, страшилась единственно окаянного Гришки. Застигнутая врасплох и вконец растерянная, она пробормотала:

— В нужник, батюшка, пошла, в нужник. Это ведь дело женское, не могу я так сразубрякнуть.

Из угловой двери, торопясь, выходила повелительница севера. Потемкинское рывканье подняло ее с судна, на котором спустя семь лет застанет ее смерть.

— Ну и шумен ты, Гриша, — с легким недовольством заметила царица. — Разве что случилось с тобой?

— Не со мной, — значительно произнес Потемкин. — Не со мной, ваше величество. Случилось, однако, нечто в царских ваших палатах, о чем полуставному сановнику, видимо, знать не полагается. Смирился бы с такой оказией, коли сама фортуна не толкнула меня в средоточье сей гиштории, о коей известен весь Петербург.

— Загадками говоришь, Григорий Александрович, — вспыхнула императрица. — Ничего не пойму из твоих речей.

Потемкин пытливо посмотрел на царицу. Кажется, не лгала.

— Тогда я, наверное, сам попал впросак. Меня умолили дознаться у первой особы государства, живьем с немца шкуру сдирать или предварительно отправив его к праотцам?

— Какого немца, господи сил? — в гневном изумлении вскричала Екатерина Алексеевна. — Какого немца? Что вы за чушь городите, милостивый государь?!

И вдруг, вплотную приблизясь к давнему любимцу, переменяла тон и тихо спросила, легко потянув твердым носом:

— Гришенька, а ты нынче не того? Всегда с такой ерунды хандра у моего героя начиналась. Чем я тебя обидела?

— К прежним обидам новую добавляете,— покраснел Потемкин.— Кто я, Барков или Костров, пииты божьей милостью? Так что мне ответствовать просителям, в каком виде из Корпа чучело набивать?

— Из Корпа? — протянула царица.— Из Корпа? Постой, постой...

«Вся политика основана на трех словах: обстоятельство, догадка и случай». Эта екатерининская сентенция всегда руководила действиями государыни. Ум у царицы был подвижным и скорым. Он мгновенно соединил далеко разошедшиеся концы. Так вот в чем дело!

Екатерина начала так смеяться, так смеяться, как, наверное, не смеялась с детских лет. Слезы выступили у нее из глаз, изнемогая от смеха, она даже не в силах была утереть их. Наконец кашель прервал смех, она отдышалась, и тут, в свою очередь, развеселившийся Потемкин узнал такую неожиданность, которая могла подивить кого угодно.

Простыв на дворцовых сквозняках, околел нежный баловень царицы пудель Корп. Назван он был так по имени дарителя, известного нам купца, гражданина вольного города Любека, осмелившегося презентовать его Екатерине Алексеевне в день тезоименитства. Пудель был ученым: опираясь на августейшую руку, превосходно делал первые па менуэта, умел считать до двенадцати и, прижимая лапу к сердцу, объясняться в любви фрейлинам.

Царицыно горе при его кончине было искренним и глубоким, стремление увековечить милый облик вполне понятным. По человеческому свойству ей казалось в первые часы, что смерть баловня должна быть у всех на устах. Отсюда ее приказ без пояснений: «А из Корпа набить чучело». Бедный обер-полицмейстер, не осведомленный о гибели пуделя, применил приказ к самому купцу. Екатерининская нотация с привлечением имени маркиза Пугачева окончательно сбила его с толку. Дальше события стали нарастать подобно снежку, летящему с горы. Под конец он может образовать лавину.

— Так будем отбой бить, Григорий Александрович? — охрипшим голосом спросила императрица.— Поди обер-полицмейстер шкуру-то с Корпа еще не содрал? — И она опять принялась смеяться.

— Знаю только, что Свербеев уже в Медицинской коллегии побывал на предмет изготовления из него чучела.

— Значит, вызовем сейчас нашего цербера и прикажем ехать к Корпу виниться, что зря напугал.

Потемкин, хохотавший перед тем так, что заставил колебаться подвески на ближних канделябрах, неожиданно посуровел и настораживающе протянул:

— Э нет, так дело не пойдет, Екатерина Алексеевна. С каких пор вышняя власть перед подданными извиняться начала? Пусть Корп подает просьбу о помиловании, а ты наложишь резолюцию.

— Да в чем же он виноват?

— В чем-нибудь да виноват,— мудро заключил Григорий Александрович.— Кстати, знаешь ли, что Корп масон?

— Эта вафля? — презрительно отозвалась Екатерина.— Ох и надоело мне господа фармазоны!

— Сей казус и будет удобной возможностью припугнуть всю их компанию.

И тут в сознании Екатерины холодным лучом просверкнула мысль о безмерности ее власти. Она еще больше выпрямилась, и все в ее кабинете от последней кошки, согласно английской поговорке дерзающей смотреть на королеву, до светлейшего князя Таврического увидели нимб вокруг ее головы. В божественном сиянии растворились мысли и поступки бесчисленных ее подданных. Что значили глупый Корп, бестолковый Свербеев, вельможный Потемкин рядом с умопомрачительным блеском сего нимба? Из самого существа монархии исходила субстанция фантазмагорической ее власти. По богословской терминологии это было чистое действие, подобное природе ангелов. Самодержавие захватывало не токмо земные, но и небесные сферы.

— А и впрямь можно было набить из этого дурака чучело. Все бы решили, что так и надо,— сказала императрица всероссийская и замораживающе улыбнулась.

Светлейший князь Потемкин-Таврический, первый вельможа государства и первый подданный империи, почувствовав перемену, резко отделившую его от нимбоносицы, смиренно и восхищенно произнес:

— Аб-со-лют!

Так, или почти так, рассказал об этом в своих записках граф Сегюр д'Агессо, последний посол старой Франции при санкт-петербургском дворе.

СТРЕЛЬБА ПО БЕЗОРУЖНЫМ

Из воспоминаний сорокалетней давности

Когда черт старится, он идет в монахи.

П о с л о в и ц а.

1

Женщина с двумя детьми вышла на утреннюю прогулку. Солнце только поднялось. Воздух был свежим и вкусным. Снисходительно смотрела она на своих малышей. Мальчик и девочка, они весело

возились, шумя и взвизгивая. У женщины было прекрасное настроение. В нескольких шагах ее ждал обжитый и прочный дом, дети росли не по дням, а по часам, сама она чувствовала себя здоровой и сильной.

Внезапно прогремел выстрел. Тут же она ощутила обжигающий толчок в левую руку. Сразу за первым выстрелом второй, третий... Женщина едва смогла крикнуть детям: «Бегите!»

Девочка кинулась в кусты, мальчик бросился к дому. Здесь он привык чувствовать себя в безопасности. Но вскоре за дверью послышались голоса бандитов. Они о чем-то спорили между собой. Наконец один переступил порог и через переднюю проник в комнату. В левой руке у него была шапка, в правой нож. Забившись в угол, мальчик с ужасом следил за уголовником. Он был храбрым подростком и, не выдержав, метнулся навстречу преступнику, царапаясь и кусаясь. Отбиться ему не удалось. Сильная рука схватила его за шиворот, рот заткнула мохнатая вонючая шапка. В яростной тоске он вспомнил старшего брата, тот сумел бы его защитить, когда бы не ушел из дому.

У крыльца мальчуган вывернулся, выплюнул шапку и побежал прямо по слежавшемуся насту, почти не оставляя следов, он был легким мальчишкой. «Не уйдешь», — услышал он хриплый голос. «Убьет», — промелькнуло с голым отчаянием. Это отчаяние заставило его огрызнуться последний раз. «Ах, ты так!» — ожесточился тот же голос, и острая сталь с невыносимой болью ударила его под лопатку.

Девочку настиг тот же конец. Потом разбойники разожгли костер и за спиртом принялись хвалиться и хвастаться. Их было трое — двое молодых ребят и старший, годившийся им в отцы. Судя по разговорам, власть принадлежала юнцам, взрослому это дело было в новинку.

2

Рыжий, плюнув на палец, поднял его над головой и удовлетворенно хмыкнул:

— Ветер на нас!..

Чубатый поглядел туда, где на краю поляны паслась медведица с двумя медвежатами. Темный ее профиль четко рисовался на бледно-зеленом небе. «Красота-то какая...» — успел подумать парень.

Порядок стрельбы установили заранее.

У Рыжего был пятизарядный винчестер, к тому же он считался опытным стрелком. Ему определили стрелять последним, на завершение и страховку. Чубатый шел с одноствольной «ижевкой» шестнадцатого калибра. Ее хвалили за меткость. Она была впрямь без отказа. Он открывал стрельбу, целясь под левую лопатку. Взрослому с его «зауером» центрального боя наказали метить в ляжку, чтобы

обезножить добычу на случай, если Чубатый промахнется. «Ижевка» и «зауер» были заряжены жаканами.

Взрослый не выдержал и ударил первым. К тому же не в заднюю лапу, а в переднюю. Чубатый выругался и нажал спусковой крючок, за ним рывкнул винчестер Рыжего. При первом выстреле медведица нагнула голову и куснула ужалившего ее овода. При следующем заревела и попыталась подняться. После винчестера повалилась на бок. Перезаряжать не пришлось. Все кончили быстро.

С ружьями наперевес охотники вскарабкались вверх по обрыву. На краю поляны лежала на боку крупная медведица. Кровь еще не загустела, но глаза успели застеклеть.

Оба парня не сговариваясь наступили на нее и прокричали условленный охотничий клич «йо-го-го». Такова была придуманная ими традиция.

— Теперь к берлогу, — скомандовал Рыжий. — Она где-то рядом.

Шагах в десяти от убитой медведицы нашли вход в берлогу. Это была большая нора под вывороченным корневищем. Зоркий взгляд Рыжего уследил, что туда нырнул медвежонок. Взрослый начал мастерить петлю.

— Не надо, — сказал Чубатый. — Я его так достану.

— Там пестун может быть, — заметил Рыжий. — Тогда тебе не поздоровится. Не лезь...

Пестуном называли медвежонка от прошлого приплода, медведя на выросте.

— А нож на что? — усмехнулся Чубатый. — Полезу.

В левую руку он взял шапку, в правую — финку. В эту минуту ему, как говорится, море было по колено. «Словно сто грамм без закуски выпил», — подумал он про себя. Но азарт в отличие от вина не туманил, а обострял зрение, наливал мускулы жестокой силой, придавал мышцам ловкость и крепость. Все в нем подобралось и напряглось.

Чубатый нагнулся и полез в берлогу. Наклонный лаз был узок, и парень в считанные секунды успел удивиться, как сюда пробиралась медведица. Берлога оказалась просторной, сухой, сумрачной. Свет проникал, видимо, сверху, по следам вывороченных корней.

Пестуна в берлоге не было. Медвежонок забился в угол. Он ощерился и заворчал навстречу чужаку. Чубатый переложил нож в зубы, ткнул шапку медвежонку в пасть, а освободившейся рукой схватил его за шиворот. Тот заголосил, стал упираться и вывертываться. Парень стал толкать его в лаз. Протолкнуть его стоило труда.

Оказавшись снаружи, медвежонок опрометью побежал прочь по слежавшемуся насту. В тайге снег держался до начала июня. Правда, только там, где было тенисто и укромно. Парень бросился за ним, финка снова была у него в руке. Нагнав, зажал его коленями, медвежонок был с хорошую собаку. Обернувшись, попытался укусить

обидчика. «Ах, ты так», — ожесточился Чубатый и ударил его ножом под левую лопатку.

Потом парень возвратился к берлоге, где Рыжий связывал другого медвежонка, пойманного в кустах.

— Притащим в поселок, — пообещался он.

Но вскоре, когда охотники разбрелись, медвежонок перегрыз ремни и залез на лиственницу.

— Вот стервец, — огорчился Рыжий. — Ну что с ним поделать, не лезть же на дерево.

— Давай я ударю... — предложил Взрослый.

Приложился и одним выстрелом снял с лиственницы. Медвежонок мягко шмякнулся оземь.

Нужно было подумать о том, как дотащить добычу до поселка. В медведице было пудов пятнадцать. Прежде всего надо ее выпотрошить. Стащили с поляны на снежный склон. Рыжий вспорол ей брюхо. Чубатый стал наматывать кишки на руку. «Словно аркан», — усмехнулся он. Лилово-красные, они кольцами собирались у него под локтем. С медвежатами дело пошло быстрее.

Выпотрошив, они зарыли добычу в снег. Наступила пора отдохнуть. Взрослый, пока ребята занимались медведицей, разжег костер. Все трое собрались у огня, вскрыли консервы, вскипятили чай. Воду достали из снегового ручья в нескольких шагах от привала. Жир в консервных банках шипел и брызгал, хлеб зачерствел, чай пахнул дымом, но все оказалось вкусным. Взрослый предложил отметить это дело, и ребята подставили кружки. Он разлил им из фляжки спирту. Мальчишки закусили снегом и с непривычки быстро захмелели. Начали было пререкаться, но Взрослый, до того державшийся на заднем плане, снова почувствовал силу возраста и прекратил начавшуюся ссору.

— Тише, волчата, — миролюбиво сказал он. — Больше ешьте, а пить вам хватит.

Ребята согласились и на ветках стланика, нарубленного Взрослым, легли отдыхать. Проспали до вечера и, поднявшись, стали собираться в обратный путь.

3

Пора прояснить рассказ. Действие происходит в 1937 году. Рыжий — это Володька Кузнецов-Морев, Чубатый — это я, Взрослый — Александр Никифорович Юдин. Мы с Володькой выпускники нагаево-магаданской средней школы, Юдин — преподаватель литературы и завуч в той же школе. Его, отчасти зависимое, положение объяснялось тем, что на медведя он шел впервые, в то время как Володьке уже приходилось ходить на него однажды, мне тоже. Кроме

того, не мы просили взять его с собой на охоту, а он нас, и это, конечно, заранее определило наши отношения. Мы знали, что он будет для нас обузой, но ссориться в разгаре экзаменов со школьным начальством не хотелось. Завуч, наоборот, мог оказаться нам полезен. Юдин и вправду каши не испортил. В пути он едва поспевал за нами, продираясь сквозь бурелом и чащобник, но все же поспевал. Нас злило, что он временами прикладывался к фляжке, это казалось нам профанацией святого дела. Володька даже пробурчал про себя: «Охотиться так охотиться, а не спиртягу глушить», но Юдин сделал вид, что не слышал. В момент стрельбы он нарушил порядок выстрелов и перепутал заднюю лапу с передней, но охота сошла удачно и нарушений не вспоминали. Даже спирт был реабилитирован за обеденным костром, понадобился, чтобы отметить удачу.

Что мы из себя представляли? Раз уж я начал с Юдина, о нем и продолжу. Александр Никифорович был человеком лет сорока, сухощавым и подвижным. Лицо у него было презаурядное, но прищур глаз, в которых мелькали острые огоньки, заставлял о нем думать как о незаурядном субъекте. Фантазер он был необычайный. Чего только он не нес на своих уроках! Его анализы художественных произведений были порой головокружительны.

Как охотник он зарекомендовал себя, раза два возвратившись с ближних озер увешанный утками. «Хоть стрелять умеет», — заметил Володька Кузнецов-Морев.

Теперь о своем товарище. Он был заметным парнем на местном горизонте. Охотничья звезда его стояла высоко. Во всем, что касалось куропаток, уток, белок, а позже медведей, он считался признанным авторитетом. Соответственно и держался. Ссора у костра, погашенная Юдиным, вызвана была охотничьей ревностью. Это ему, Кузнецову-Мореву, следовало лезть в берлогу, несмотря на явную опрометчивость такого поступка. Володька сразу понял, что именно здесь была перейдена грань, отделявшая поступок от приключения. А он от него сам отказался. Будут другие охоты, а вот слова «лазил в берлогу» произнесет не он, а его приятель, черт бы его побрал.

Володька был отчаянно самолюбив, и стремление к первенству жило в нем едва ли не с пеленок. Не касалось оно только имени; так уж сложилось, что звали его почти всегда Володькой, иногда Кузьмой (по созвучию с фамилией), как другого товарища Недиком, а меня Сергеем.

У нас был очень развит зимний спорт. Володька славился как отличный лыжник и конькобежец. Длинные дистанции на коньках — три тысячи и пять тысяч метров — он брал первым. До сих пор помню его в темном вязаном трико на голубом льду стадиона. Тощий и стремительный, он отщелкивал круг за кругом, пока под аплодисменты зрителей не рвал финишную ленту. На лыжах он ходил так, как будто на них родился. Мы все были неплохими лыжниками,

мне после этого помогло на войне с белофиннами, но Володька шел вне конкурса. Я так и вижу его в гонке на пятьдесят километров, к ее концу он приходил так, словно только что начинал дистанцию.

Нормы ворошиловского стрелка первой степени все мы выполнили шутя и тут же принялись сдавать вторую степень. Норма была, кажется, сорок четыре очка из пятидесяти. Я выбил сорок семь, Володька с Недиком сорок девять, поделив первое и второе места.

Необычной фамилией мой приятель гордился, она досталась ему от отца-революционера. Когда его пытались называть сокращенно, он часто раздражался: «Кузнецовых много, а я Кузнецов-Морев. Так-то».

Рыжим его можно было называть только приближенно, это уж ребята, как всегда, сгущали краски. Не был он огненно-красным. Просто в сильную рыжину. Да вдобавок веснушчатый и желтоглазый. Все это вместе отчасти и оправдывало прозвище.

Казалось бы, при таких условиях в Володьке должна была гнездиться заносчивость и неуживчивость. Иногда это и прорывалось, но, на его счастье, в нем жило сильное чувство юмора. Он быстро подмечал у людей потешные черты и подсмеивался над ними весело и беззлобно. С ним нельзя было соскучиться. В школьной постановке чеховской «Свадьбы» он играл телеграфиста Ятя. Хорошо играл. Вот этот юмор, умение понять и оценить смешное очень красило моего товарища. У людей напористых и самолюбивых такое качество в редкость.

Остается сказать о себе. В ту пору я был ладным поджарым парнем с копной светлых волос, решительным и азартным. От своих друзей я мало в чем отставал, а кое в чем и перегонял их. Ну, например, я сочинял стихи. Неважно какие, но сочинял. Это среди ребят ценилось.

Обычная наша охотничья тройка составлялась из Володьки Кузнецова-Морева, Недика Подойницына и меня. В этой охоте Недика заменил Юдин. Вряд ли это чем-нибудь обуславливалось. Скорее всего Недик почему-либо не смог пойти, и его место было отдано Александру Никифоровичу. Три человека — лучший состав. Меньше — рискованно, мало что с кем может случиться, одному другого тащить трудно, двое легко справятся. Больше — будут мешать друг другу. А трое — как раз!

Проще всего уходить было из дома Кузнецову-Мореву. Его родители рано уверились в охотничьей опытности сына. Нам с Недиком приходилось труднее. Происходили неприятные сцены. Крики матери с порога: «Не пушу! Вернись!» — были делом обычным. Павел Захарыч, отец Недика, был человеком строгим, моя мать тоже женщиной с характером. Однажды они договорились — ни в коем случае нас не пускать. Недика заперли дома, а я сумел вырваться. Младший Подойницын месяц потом не разговаривал

с отцом. Еще, к счастью, мы с Володькой вернулись тогда с пустыми руками. Можно, конечно, понять родителей. Не на зайца все-таки шли, на медведя!

4

Охота на медведицу с медвежатами у нас с Кузнецовым-Моревым, как говорилось, была не первой. Ей предшествовали другие. Выходили мы на охоту часто, но не каждый раз возвращались с добычей. Прошляешься дня три по тайге, а зверя не увидишь. Или увидишь, да не встретишь. Мелькнет черная движущаяся точка на далеком каменистом хребте и, мелькнув, скроется из глаз. Ищи-свищи. Приходили домой несолоно хлебавши.

Спустя неделю-другую опять лезли в тайгу. Что нас туда гнало? Попробую разобраться, когда больше накидаю фактов. Для этого нужно вспомнить первую охоту.

О ней мне подробно рассказал в письме Недик Подойницын, о котором я уже упоминал. Я попросил его поделиться воспоминаниями. Мой давний товарищ работает горным инженером в Кузбассе. Память у него оказалась очень точной, многое, забытое мной, он видел так, словно это случилось вчера. Письмо привожу с малыми сокращениями:

«Здравствуй, Сергей!

Вот что сохранилось в моей памяти о медвежьих охотах.

Первая охота. Участники — ты, Володька К-М и я. 1936 год. Место — 56 км. Весна, только что сошел снег и ушла вода. На 56 км приехали в середине дня. По пойме какой-то речушки к ночи пришли в горы. Ночевали с костром. Этой же ночью вблизи проходил медведь. Слышали, как скатывались камни и глыбы от его походочки. Утром поднялись выше в горы, на гольцы. В расщелинах и каменных россыпях еще снег. Тундряные курпатки тоже еще белые, у них брачная пора. Гоняли их, но ничего не убили.

Часам к 12 дня разместились на ближней к пойме вершине одной из сопки и стали завтракать. Пойма в этом месте — обширная котловина с когда-то выгоревшим лесом. Тогда еще сохранился редкий сухостой. Почва — мох, болотце, травы прошлогодние. Кругом брусника, тоже прошлогодняя и выбродившая на весеннем солнце. Позже, когда я остался с медведем, а вы ушли, я нажрался этой брусники и, как мы тогда считали, захмелел и уснул.

Вот в этой-то пойме мы увидели с сопки на расстоянии примерно одного километра медведя, здорового самца, оказавшегося весом около 20 пудов. Он махал иноходью так быстро, что мы смогли его нагнать только через 1,5 часа.

С того момента я отлично все помню, так как последующие события составляют главное содержание охоты.

Быстро спустившись с горы в пойму и пройдя с полкилометра, мы потеряли медведя из виду. Снова поднялись на другую, меньшую сопку, чтоб оглядеться, и снова увидели его, но уже ближе. Здесь мы уже бежали. Выйдя на старое сухое русло лесного ручья, где было пониже, и спрячась в нем, сократили расстояние к медведю до 300 м. Здесь сбросили рюкзаки с котелками, сбросили ботинки, чтобы не гремела галька, и, пригибаясь, начали скрадывать медведя, как договорились, до расстояния 30 м. Медведь быстро уходил, мы, нагоняя, шли за ним следом, сгибаясь и стараясь видеть только его спину. В месте, где когда-то в ручье была заводь, сейчас находилось углубление, и медведь скрылся в него. Что было нашей приткосты мы ринулись к медведю и в 20 м от него, еще ближе, чем условились, разбежались в стороны метров на 8—10 и разом выстрелили.

Володькина пуля в правом боку, моя в левом, а твоя прошла ему хребет, так как ты оставался в центре. Медведь завалился назад, страшно заревел, оглядываясь и задирая голову, и сразу же рухнул. С расстояния 10 м я еще выстрелил ему в лоб, чтобы удостовериться, что он не хитрит! В это поверье мы тогда, а в особенности Володька, верили почти что слепо.

Пожалуй, верно ты говоришь, что это похоже на убийство, но тем не менее представился бы мне еще такой случай охоты, я бы не упустил его и сейчас.

Медведя убили. Володька пошел за лошадей, ты ушел за оставленным впопыхах на месте завтрака ножом, а я развел костер, стал лопать бруснику и как-то уснул.

Разбудили меня выстрелы уже вечером, которыми вы меня искали. Володька и ты страшно ругались, потому что не могли меня найти более 2-х часов. Медведя загрузили на волокушу и с грехом пополам добрались на трассу. Лошадь храпела, не хотела идти, кидалась в стороны, пока тушу не закрыли пиджаками, фуфайками и какими-то тряпками. До трассы добрались в середине ночи. Отдали четверть туши горной страже, а остальное погрузили на цистерну бензовоза. Тушу привязали за горловину цистерны, мы с тобой, стоя на боковых площадках, поддерживали медведя до самого Магадана.

В е н е д и к т .

Такова фактическая сторона первой охоты, освещенная моим другом с достаточной полнотой. В Магадане нас встретили примерно так, как Тома Соьера с Геком Финном после находки клада. Ясно, что мы стали героями не только дня, а, пожалуй, и месяца. Наши подвиги живописали в местной газете. Меня подробно расспросил ее сотрудник и написал все как запомнил. Недик отнесся к статье, по-видимости, безразлично, а Володька хоть и тщеславился, но ворчал по поводу

мелких несоответствий. Я был, откровенно говоря, польщен первой известностью.

Июньский номер «Советской Колымы» сохранился у меня до сих пор. Приведу текст публикации, чтобы увидеть нас глазами газетчика той давней поры:

Молодые охотники

Этого дня они ждали давно, и вот сразу же после испытаний ученики девятого класса Магаданской школы комсомольцы Наровчатов, Кузнецов-Морев и Подойницын отправились в тайгу охотиться на медведя.

Захватив с собой ружья и немного провизии, 13 июня ребята выехали на 56 километр. Сойдя с машины, юные охотники углубились в тайгу.

...Поздний вечер. Мокрая вата тумана окутала сопку. Пробродив несколько часов, ребята решили остановиться на ночлег.

Холодно. Валежника и воды нет. Кто-то предложил перевалить через крутой перевал и там заночевать. Спустившись с перевала, охотники увидели ущелье. На снегу медвежьи следы. Слышно, как кто-то вблизи ворочает камни. Кругом горелый мокрый стланик. Стало совершенно темно. Ветер дует в спину. С большим трудом Володя Кузнецов разжег костер и приготовил чай.

На другой день поднялись очень рано. Снова туман и пронизывающий холод. Взобравшись на какой-то хребет, стали пережидать туман. Все продрогли и единодушно назвали это место «перевалом неудачной попытки».

Наконец туман рассеялся. Показалось солнце. Но медвежьи следы потеряны. Доев последние запасы пищи, ребята разбрелись, расстроенные неудачей, оставалось спускаться на трассу...

Вдруг послышался радостный голос Подойницына:

— Ребята! Медведь!

Не поверив, Наровчатов и Кузнецов подбежали к Подойницыну. И действительно, по долине в стланике двигалась черная точка.

Ветер дул на медведя. Наровчатов бросает: «Нужно зайти ему в лоб».

Проверив еще раз ружья, охотники бросились вниз, с трудом пробиваясь через стланик и густой ивняк. Пробежав километра четыре, вылезли на сопку. Оттуда была уже видна трасса. Невдалеке очень быстро двигался большой бурый медведь, поедая на ходу прошлогоднюю бруснику. В тридцати шагах взвели курки. Однако зверь невозмутимо шел вперед, не обращая на разгоряченных юных следопытов никакого внимания. Приблизившись к нему шагов на пятнадцать, охотники внимательно прицелились и спустили курки.

Медведь, страшно зарывав, свалился на бок. Смертельно раненный, он, однако, пытался встать. Раздалось еще два выстрела, и зверь затих. Убедившись, что он мертв, ребята издали победный клич.

Володя Кузнецов отправился на трассу за подводой. Вскоре он вернулся, и многопудовую тушу зверя погрузили на подводку.

Храбрые молодые охотники — каждому из них по 16 лет — были счастливы.

Б. Бродовский.

Без цветов газетного красноречия здесь не обошлось, но суть дела вплоть до победного клича изложена верно. Не вспомню сейчас причин Володькиного недовольства. Наверное, нарушена была последовательность событий и допущены какие-то неточности.

Несколько слов о Недике. В описываемую пору он был крепко сбитым парнем, ловким и быстрым. Умный и проницательный, он легко прикидывался ничего не понимающим увальнем. В жизни, думается, это ему помогало.

Все трое — Кузнецов-Морев, Подойницын и я — были хорошими товарищами друг другу, хотя внешне это ни в чем не выражалось. Никаких изъявлений дружбы не делалось, мы сочли бы такие словеса ненужными и нелепыми. Конечно, нас сближало многое. Прежде всего условия жизни таежного поселка, каким был Магадан в середине 30-х годов. Затем физическое и нравственное сходство. Ребята были сильные, выносливые, подвижные, с хорошими нервами. Никакая рефлексия нас жить не мешала. О каких-либо комплексах мы тоже ничего не слышали.

Нравственный уровень у нас был примерно одинаковый. Храбрость являлась той заданностью, без которой выходить на медведя было нельзя. О ней никогда и не упоминалось. Она как бы подразумевалась сама собой. А ведь ясно, что подбираться к большому зверю на двадцать шагов, сбросив перед тем башмаки, в одних носках, чтобы не слышно было, надо было обладать определенной выдержкой. Она-то и называется обычно смелостью или храбростью. От храбрости, к сожалению, не всегда отъединима жестокость. Это было то отрицательное качество, которое прививала охота. Убийство медвежат, потрошение медведицы казались нам вполне естественными поступками.

Жестокость норовила переплеснуться за рамки охоты. Недик в опущенном месте письма напомнил, как на другой охоте Володька чуть не пристрелил вора, укравшего с телеги медвежонка. Это была не угроза. Пристрелил бы и глазом не сморгнул. Тот, по счастью, взмолился. Хорошо взмолился. И Володька его отпустил. А то бы пришла беда. Незамолимый грех.

Во всем остальном мы были ребята как ребята.

В давних стихах у меня были такие строки: «Для меня же в доме моем порог только лишь тем и хорош, что гремят за порогом десятки дорог и одной из дома уйдешь». Эти треклятые дороги вправду гремели грузовиками, мчавшимися по колымской трассе. Они переходили потом в таежные тропы, вившиеся по редколесью, шагавшие через поваленные стволы, пробиравшиеся сквозь сухой и колючий чащобник. Потом тропы растворялись в таежном сумраке, терялись во влажном болотном мху, исчезали в каменных гольцах. И вот уже одно небо над тобой на вершине сопки. Прозрачное весеннее небо, изредка прорезываемое быстрыми белыми облаками. На сопке резкий прямой ветер. Он несет первые запахи тающего снега, оживающей черной земли, старой гниющей хвои. До чего же хорошо!

Дальше шло: «Туда, где сосны красны, как медь, где, свесив над речкой тушу, опытный в промысле бурый медведь лапой глушит горбушу». Это картина, известная таежникам. Недик Подойницын еще в одном месте письма так описывает это медвежье занятие, увиденное им вместе с Володькой: «Мы видели этого медведя за ловлей рыбы в речушке. Ловил он ее так, как действительно рассказывают многие очевидцы. С берега кидает лапой назад не оглядываясь, а рыба, трепыхаясь, снова скатывается в воду. Но какая-то часть, наверно сильно помятая, остается».

Вот бы, скажет догадливый читатель, и ограничивались такими наблюдениями. Легко сказать! Фоторужье — выдумка недавняя, да и вряд ли таким сорванцам, как мы, фотографирование могло заменить прицельную стрельбу. Да и не только стрельбу — выслеживание, риск, ощущение победы. В общем, все охотничьи похождения.

Ружьями мы обзавелись, когда нам стукнуло по четырнадцать лет. Помню, вечером отец принес из магазина «ижевку», и я еле дождался утра, чтобы испробовать ее на деле. Набивать патроны я уже умел: знал, какая дробь на какую птицу может понадобиться; так что вышел во всеоружии. Речка, на которой стоял Магадан, в то время еще принимала утиные выводки, но прямо против поселка утки уже остерегались садиться. Мне было невтерпех, и я вышел на пойму в сотне-другой шагов от окон нашего дома. Ну что я мог подстрелить?!

Какая-то шальная пичуга затрепыхалась надо мной, не ведая не гадая о своей плачевной участи. Я вскинул ружье, прицелился, и — бац! — она оказалась у моих ног. В половину моего кулака. Вдребезги изрешетил я злосчастную птаху своей дробью. Не был я таким уж бесчувственным зверенышем, и чувство сострадания шевельнулось во мне. Я держал на раскрытой ладони теплый комок, и непоправимость содеянного наполняла меня досадой и жалостью. Возвратившись

домой, я повесил «ижевку» на стену и несколько дней смотреть на нее не хотел. Но потом ребята позвали меня на охоту, теперь уже настоящую, и я пришел с нее, держа за поясом четыре утки. Никаких состраданий, сожалений и прочей сентиментальщины моя милость теперь не испытывала.

К жестокости, как ни печально, тоже нужна привычка. Печально, ибо одна жестокость не заставляет ждать другую. Вот и в этом случае: окровавленная пичуга могла бы навсегда меня отратить от стрельбы по безоружным, но следующая удачная охота полностью вытеснила первый горький опыт. А ведь жестокость на этой удачной охоте по числу убитых уток была учетверена.

6

Возвращаясь к медвежьей охоте. Тяга и глухомань, шляние по тайге, бездомное и бездумное бродяжничанье освещалось завидной целью. Такой целью была охота на хозяина тайги — медведя. Охота трудная, жестокая, рискованная. Трудная, потому что можно было проходить по тайге неделю и так и не встретить зверя. А таежная тропа — это не московский асфальт. Вывороченные деревья, сухостой, коряги. Выходишь из чащобы, надо лезть на сопку. Камнепады, скользкие гольцы, снег в распадках. С хребта видны долины и поляны. Аось да углядишь медведя. И углядывали.

На сопки вылезали еще потому, что там меньше донимал гнус. А то идешь, и вокруг твоей башки, как нимб святого, злейшая мошкара. Как мы терпели, ума не приложу. Никаких мазей, сеток, накомарников знать не знали. «Не иначе они вокруг нас профсоюзные собрания устраивают», — острил Володька. Похоже было на то!

Трудности искупались возможным успехом. Если удача, все тебе валило сполна. Преодоленная опасность, оправдавшийся риск, богатая добыча — это вначале. А потом — въезд в поселок с медвежьей тушей, восхищенная зависть друзей, горделиво-сдержанные рассказы. Право, один ответ, брошенный через плечо на танцах, куда мы как ни в чем не бывало устремлялись с охоты, стоил многого. «Что-то тебя не видно было?» — спросит девочка. «Да мы только что медведя привезли». Такая томсоиеровщина живет не только в юнцах, какими мы были, но и во взрослых людях до седых волос. Живет, лишь слегка изменяясь в зависимости от обстоятельств.

Теперь о риске. На мой взгляд, это необходимая плата за добычу. В нашем примере риск уравновешивал удачу. Переменись ветер — медведь мгновенно учуял бы нас, и нам была бы крышка. При неверных выстрелах с короткого расстояния он тоже легко мог бы нас настичь, перезарядить ружья нам бы вряд ли удалось. С раненым зверем шутки плохи. Мы к тому же были без башмаков, и удирать в носках по неровной гальке трудно. Да и не удерешь — за медведем в тайге лошадь не поспеет.

Во второй охоте опасным моментом был мой нырок в берлогу. Будь там пестун, нож мог и не пригодиться. Охотника-практика озолоти, он бы туда не полез. Недик в своем письме назвал мою акцию беспечной. Но владела мной не беспечность. Толкал меня в берлогу азарт, о котором я после писал:

Но, свои утверждая законы,
Захлестнет, не спросясь, глаза
Ни родных твоих, ни знакомых
Издавна не падающий азарт.

В данном случае он, азарт, не падал в первую очередь меня самого. Правда, приключение с берлогой можно было бросить на чашку весов против расчетливого убийства медвежьего семейства... Можно? Нет, нельзя. Прежде всего мы были нападающей стороной. Покалечь меня или сломай в берлоге шею пестун, мне бы, как говорится, было поделом. Нельзя равнять, скажут, человеческую жизнь с жизнью зверя. Но эти меры тут не подходят. Нарываешься на опасность — рассчитывайся.

Но, как ни суди, риск все-таки был, и это единственное, что дает нам скидку во втором случае.

Теперь же риск перестал уравнивать добычу. Уже в мое время — сорок пять лет назад — он едва ей соответствовал. А сейчас и говорить нечего. Идет стрельба по безоружным. Причем из современных ружей, часто с оптическим прицелом, на большом, безопасном расстоянии. Дичи становится все меньше, зверь исчезает. Вон в Африке слонов и носорогов почти к нулю привели. Но что Африка? Африка далеко. У нас своих проблем хватает. Никакие Красные книги не помогут, если не уймется беспорядочная пальба по живности, пока еще населяющей наши доли и леса, реки и озера.

7

У меня нет практических советов, рецептов, рекомендаций. Свое отношение к охоте я обрисовал в этом очерке достаточно четко. Пришло оно ко мне не сразу, ироничная пословица о черте и монахе говорит сама за себя. Будь бы моя власть, я прекратил бы стрельбу по безоружным и преобразовал бы всю землю в цветущий заповедник, но, видимо, это дело неблизкого будущего. А жаль... Святые слова поэта: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове» — следовало бы сделать заповедью подрастающих поколений. «Спаси, господи, звери твои!» — хочу переиначить я древнюю молитву.

8

Ободранная лапа медвежонка удивительно напоминала детскую руку...

СОДЕРЖАНИЕ

Абсолют (рассказ)	3
Стрельба по безоружным	35

Сергей Сергеевич Наровчатов

АБСОЛЮТ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 24.11.80. Подписано к печати 26.01.81. А 00322. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,08. Тираж 100 000. Изд. № 213. Зак. № 3414. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.